

СУДЬБА МОЖЕТ СЫГРАТЬ С ТОБОЙ ЗЛУЮ И ОПАСНУЮ ШУТКУ...

18+

Разбей

ФЭЯ МОРАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

1

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ТРИЛОГИИ «СТЕКЛЯННЫЕ СЕРДЦА»

18+

Стеклянные сердца

Фэя Моран

Разбей

«Автор»

2023

Фэя Моран

Разбей / Фэя Моран — «Автор», 2023 — (Стеклянные сердца)

Жизнь прилежной дочери богатых и влиятельных людей лишена недостатков. По крайней мере, именно так я и думала, пока судьба вдруг не подкинула мне сюрприз в виде зеленоглазого парня в чёрной с бордовыми узорами рубашке. Парня, сокрушившего мою привычную жизнь. С его появлением я теперь не та послушная хорошая девочка, с его появлением я сбегала из дома по ночам, чтобы провести с ним время, с его появлением я впервые ослушалась строгих родителей. Но тогда я ещё не знала, к чему это приведёт. Не знала, что всё это время он скрывался под маской, а единственной его целью было жестоко разбить мне сердце...

© Фэя Моран, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Плэйлист	7
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	43
Глава 7	51
Глава 8	57
Глава 9	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Фэя Моран Разбей

ФЭЯ МОРАН

Разбей

Плэйлист

- Escapism // RAYE
- Reflections // THE NEIGHBOURHOOD
- Black Out Days (Future Islands Remix) // PHANTOGRAM
- Hurts So Good // ASTRID S
- Close // NICK JONAS FEAT. TOVE LO
- Good For You // SELENA GOMEZ
- Style // TAYLOR SWIFT
- What A Feeling // ONE DIRECTION
- Paper Love // ALLIE X
- Hopeless // ALWAYS NEVER
- No Angels // BASTILLE FEAT. ELLA EYRE
- We Belong // DOVE CAMERON
- U + Me // KILLBOY
- Lies In The Dark // TOVE LO
- True Disaster // TOVE LO
- Him & I // HALSEY FEAT. G-EAZY
- Didn't I // ONEREPUBLIC
- Can't Pretend // TOM ODELL

Всем тем, кто влюблён в книжных мужчин так же безнадёжно, как и я.

*У моего сердца стояла стража из 365 воинов,
И через их спины я увидела его,
Уверенно идущий, настолько спокоен,
Словно не было перед ним никого.*

Шахназ Сайн

«365 воинов внутри меня»

Глава 1

Мои родители богаты словно цари.

Вот самый первый факт, который следует знать каждому, кто хочет понять, что я за человек и каким может быть моё окружение. Но вместо того, чтобы радоваться прелестям жизни, я без устали выбираю оставаться недовольной.

И свой университет я недолюбливаю в самую первую очередь.

Элитное место, полное богатых, заносчивых и омерзительных людей, которые совсем не считаются с окружающими и относятся к тем, чьи карманы не ломаются от денег, как к мусору. Я знаю, о чём говорю, ведь сама сотни раз становилась свидетелем ужасных сцен.

По маминой инициативе мне пришлось смиренно поступать именно сюда, а потом и готовиться к профессии аналитика. Наверняка я буду работать в папиной компании под его присмотром, однако назвать это моей мечтой у меня не получается. Только из-за опасений разочаровать своих успешных родителей, я молчала в тряпочку, пока мама листала списки колледжей и вузов Сиэтла на своём айпаде и не остановила свой выбор на Частном Университете Риверы.¹

– Как у тебя дела? – заинтересованно спрашивает Дилан, внезапно вырвав меня из мира ненужных мыслей, которые посещают мою голову чаще, чем это должно происходить.

Аккуратная причёска, стильная одежда от известных дизайнеров и дорогой одеколон; мой братец – один из наглядных примеров того, каким парнем нужно быть, чтобы достичь вёдер слёз, истерик и пущенных на землю слюней молоденьких девушек, мечтающих о мальчиках вроде тех певцов с милыми мордашками, которых нам так часто показывают в ленте Ютуба или каких-нибудь других социальных сетях.

– Всё просто супер, – включаю лёгкий сарказм я, крепче прижимая учебники к груди. – А что такое? Если ты спрашиваешь это из-за моего внешнего вида, то ты знаешь, я всегда так плохо выгляжу.

Дилан недовольно закатывает глаза, а меня забавляет его реакция.

Иногда кажется, будто на этом свете брата раздражает лишь одна моя вечная нелюбовь к себе. О, в этом плане ему нет равных! Нет, он вовсе не самовлюблённый придурок, каких в универе насчитывается примерно ползаведения. Просто Дилан всегда говорил, что, цитирую, «хорошая самооценка – ключ к дальнейшему успеху, а глупые оскорбления в свою же сторону могут лишь убить в тебе потенциал».

– Если тебя кто-то обидел, скажи мне, – произносит брат и хмурится. Так он делает только в тех случаях, когда я просто обязана сказать ему правду.

– Если я скажу тебе, ты либо не поверишь, либо просто проигнорируешь мои слова, Дилан, – говорю я.

Парень смотрит на меня со слегка прищуренными глазами.

– Скажи. – Голос Дилана звучит весьма командно.

Естественно, он просто пропустит мои слова мимо ушей. Я в этом уверена.

– Если я скажу, что меня сегодня опять оскорбила твоя Франческа, что ты на это скажешь? – Я демонстративно скрещиваю руки на груди, ожидая его ответа.

– Хватит придумывать сказки, – со скептицизмом выдаёт брат, фыркнув. – Франческа не стала бы так поступать с моей сестрой. Ты просто не хочешь нашей свадьбы... – Изобразив в воздухе кавычки, он добавляет: – Тем более, как ты выразилась, «опять».

– Что и требовалось доказать. – Пожимаю плечами, отворачиваясь от Дилана.

¹ Вымышленный автором университет в центре Сиэтла.

Снова это противное чувство обиды, словно я ребёнок, у которого внезапно отобрали шоколадку, которую он присмотрел ещё утром.

Наверное, я просто слишком наивна, чтобы считать, что родной братец скорее поверит своей сестре, с которой он провёл всё своё чудесное детство, чем девушке, с которой он познакомился всего пару лет назад.

Боже... Одно имя Франчески заставляет нутро скрючиться от омерзения и злобы.

– Знаешь, а мы не договорили! – громко произношу я, глянув на то, как Дилан уже готовился уйти по делам. – Скажу честно: да! Я скорее сдохну, чем вы поженитесь! Она тебя не любит. Она влюблена в твои деньги. В папины деньги. Все только об этом и говорят... Как ты этого не понимаешь?

– Лина! – В голосе брата звучат нотки раздражения. – Перестань говорить так о моей будущей жене! Приди наконец в себя.

Когда я понимаю, что вот-вот выдам самое жалобное лицо на свете и унижусь в миллионный раз, я быстро разворачиваюсь и ухожу в кабинет нашей следующей лекции. Быстро усаживаюсь за свою парту почти сразу после того, как с серьёзным лицом в аудиторию входит наш лектор.

Я знаю, брат продолжил бы придумывать нелепые отговорки насчёт своей невесты. Каждый день я пытаюсь образумить его, но всё тщетно. Он и слушать меня не желает. Мне плохо от того, что на моих глазах эта Франческа разрушает жизнь моего родного брата, а я не могу ничего с этим поделать.

– Мисс Норвуд, – спокойным тоном отвлекает меня от моих неутешительных мыслей голос мистера Филлипса, – с вами всё в порядке?

Я поднимаю голову и встречаюсь взглядом с обеспокоенными глазами нашего пожилого лектора, всегда относившегося к каждому своему студенту с особой заботой. Кабинет полон устремлённых на меня любопытных взглядов.

– Нет, всё в порядке, – отмахиваюсь я. – Просто личные проблемы.

Мужчина утешительно смотрит мне в глаза, и одним лишь этим взглядом успокаивает меня. Не знаю, как ему это удаётся, но ему однозначно не помешало бы вернуться в прошлое и вместо педагогического поступить на факультет психологии.

Мистер Филлипс наконец отходит от моей парты, дав мне возможность расслабиться, и обводит взглядом остальных студентов, которые в свою очередь наконец отворачиваются от меня.

– Вновь Дилан? – слышу я голос Ирэн, донёсшийся до меня сзади.

Мне даже нет нужды отвечать; подруга всё понимает без слов.

– Всё наладится, – утешительно продолжает она. – Просто перестань придавать этому особое значение, иначе так ты только притягиваешь все эти проблемы.

– Вновь провела всю ночь за чтением всяких дурацких статей? – ехидно замечает Вэнди, сидящая рядом.

– Нет, сама сочинила.

Я уверена, они так бы и продолжили свой бессмысленный диалог, однако громкий голос мистера Филлипса тут же приводит их в чувства:

– Мы вам не мешаем, юные леди?

Девушки виновато опускают головы и тут же принимаются за переписывание всей той чепухи, что я слышу от лектора, себе в тетрадь.

Лекция продолжается.

* * *

Я живу в *Медине* практически с самого своего рождения. Это небольшой пригород Сиятла, также известный как место, где живёт Билл Гейтс и Джефф Безос, однако меня эта информация никогда не волновала.

Наш дом – это трёхэтажный особняк в стиле барокко со всеми примочками в лице охраны, горничных и кухарок. Больше всего мне нравится беседка с видом на озеро Вашингтон, а ненавижу я ездить в университет через мост *Эвергрин-Пойнт*, который, как я однажды вычитала где-то в Интернете, сразу после своего появления был внесён в книгу рекордов как самый длинный плавучий мост в мире. Дорога каждый раз занимала минут тридцать, а иногда и больше, и именно поэтому мне едва удалось уговорить маму устроить меня в общежитие. И она разрешила, но с одним условием: я могу оставаться в общежитии не больше четырёх раз в неделю, а выходные провожу дома.

И сегодняшний день вошёл в список тех дней, в которые я возвращаюсь домой.

Когда я выхожу из машины и иду в сторону своего огромного жилища, меня встречает Рональд, тут же интересуясь тем, как прошёл мой день в университете. После долгого учебного дня и полного изнеможения моего мозга не хочется ни с кем разговаривать, поэтому я лишь бросаю простое: «Всё нормально» и захожу в дом. Всё же папе стоило подыскать более молчаливого охранника.

Уже с порога на меня кидается нелепая горничная, которая постоянно что-то забывает, и пытается дружелюбно встретить вернувшуюся домой усталую дочь хозяев.

– Мисс Норвуд! – улыбается она так широко, что мне кажется, что её губы вот-вот разорвутся. – Хотите перекусить? Может быть, вам принести что-нибудь в комнату? Или вы...

– Пожалуйста, перестаньте целовать мне задницу. Я обычная, чёрт вас подери, жительница этого дома. – Сказанное мной звучит грубо, и лица стоящих у дверей на кухню горничных выглядят весьма удивлёнными и даже смущёнными.

– Дочка, я же просил не выражаться у нас дома, – вдруг доносится до меня голос папы. Я вздрагиваю от неожиданности и закусываю губу, медленно обернувшись назад.

Одетый в элегантный тёмно-синий костюм, папа стоит у большого зеркала в прихожей и поправляет галстук на шее. На руке – дорогие часы, а воздух пропитан его одеколоном, который мама, как я помню, просто обожает.

– Упс, – виновато выдавливаю из себя я. – Я и не знала, что ты здесь.

– Здесь я или нет – это никак не позволяет тебе выражаться дома. Ты же знаешь, как твоя мама этого не любит, дочка.

Я опираюсь на входную дверь и смотрю на отца, который выглядит слишком молодо для своего возраста. У него каштановые волосы, цвет которых в точности передался и мне. Глаза только яркие и такого приятного серого оттенка, словно серебро на солнце. Точно как у Дилана. Но фишка папы это его стиль в одежде. Всегда что-то строгое, классическое, роскошное, но не скучное. Он выглядит так, как и подобает его статусу – как миллионер.

– Я думала, хотя бы сегодня ты переночуешь с нами, – грустно проговариваю я, состроив обиженное выражение лица.

Папа улыбается и подходит ко мне.

– Сегодня у меня слишком много работы. У меня нет времени сидеть дома.

Я ещё более огорчённо опускаю глаза в пол, сверля в ней огромную дыру.

– Но я так скучаю по тебе, – тихо говорю я.

Папа пару секунд молчит, глядя на меня, затем кладёт свою большую ладонь мне на голову, треплет волосы как маленькому ребёнку и смотрит прямо в глаза. В двух кусочках серого неба, из которых состоит его взгляд, отражается одна лишь доброта и сожаление.

– Потерпи совсем немного. Я покончу со всеми срочными делами, и мы всей семьёй отправимся на забываемый отдых. Совсем скоро. Я обещаю.

– Там будет море?

– Несомненно.

– И песок?

– Там будет всё, что захочешь. И мы расслабимся там так, как сто лет не расслаблялись.

Я радостно улыбаюсь и крепко обнимаю папу. Он отвечает мне, и в его объятиях я словно становлюсь той самой маленькой девочкой, которую он всегда любил катать на своей спине. Чувствую себя его маленькой принцессой.

– Я люблю тебя, пап, – шепчу я.

– Я тоже тебя люблю. Больше всего на свете.

Мне не хочется отходить и позволить ему вновь уехать на ночь на его работу, которая забирает у меня отца снова и снова. Мне не хочется вновь надолго расставаться с ним. Мне хочется видеть папу дома чаще.

Мой взгляд падает на тень, появившуюся возле дверей, и я отстраняюсь от папы и смотрю в сторону привлёкшего моё внимание явления.

Там стоит мама. Прекрасная женщина, дарящая нашему дому свет. Даже когда на улице бушует метель, с ней всегда тепло и уютно. А ещё она безумно красива, и мне повезло получить от неё карие глаза, копирующие цвет тёмного шоколада. Но в отличие от папиных каштановых волос у неё они чёрные, густые и волнистые. Мамины волосы сразу указывают на её испанское происхождение.

Сейчас она нежно улыбается, смотря на нас двоих, и я замечаю улыбку и на лице отца.

– Моя милая Мария, я как раз хотел подняться к тебе, – говорит он, и мама хихикает.

– Вновь хотел уехать без моего ведома, – шутит она.

Папа подходит к ней и мимолётно целует в губы, произнося: «Я люблю тебя» и получая такой же ответ от мамы. Моё сердце тает от такой сцены, и сдержать улыбки не удаётся. Я восхищаюсь любовью родителей друг к другу всю жизнь. Они вместе столько лет, но ещё не растратили чувства. Я искренне ими восхищаюсь.

– Не забудь позвонить, – предупреждает мама прежде, чем отец скрывается за входной дверью.

– Не забуду. До свидания, мои любимые женщины.

– Удачи на работе, пап!

Дверь закрывается, шаги отдаляются.

Мы с мамой остаёмся одни в большой прихожей в полной тишине. Я вздыхаю и собираюсь идти к себе в комнату, но мама вдруг меня останавливает.

– Какие планы? – спрашивает она.

– Займусь самобичеванием, – шучу я. – Как и всегда.

– У меня есть идея получше, – хитро улыбается мама, и я заинтересованно направляю свой взгляд на неё.

– Что ты имеешь ввиду?

– Как насчёт того, чтобы отправиться по магазинам за новой одеждой?

Было озвучено одно из моих официальных хобби, так что я от радости едва на начинаю прыгать.

– А с чего вдруг появилось такое желание? – интересуюсь я, сдерживая себя в узде. – Мы ведь уже ходили в магазин в прошлую пятницу.

– Ну, нам же нужно обновление в гардеробе к будущему потрясающему уикенду, о котором тебе только что рассказал папа.

Я издаю громкий писк гораздо раньше, чем успеваю в полной мере услышать её слова.

– О боже! Как же я люблю вас! – кричу я, а она смеётся над моим детским поведением. – Обоих!

– А мы тебя гораздо больше... – Она проводит пальцем по своим накрашенным губам возле зеркала и произносит: – Иди, одевайся. Выходим через час.

А через час я уже стою в прихожей, ожидая её.

За окном удобно устроилась дождливая ночь, а дома непривычно тихо. Лишь стуки капель об стекло нарушают почти идеальную тишину.

Я поправляю свои длинные каштановые волосы перед зеркалом и в предвкушении яркого времяпровождения в приобретении новой одежды вздыхаю. Любовь к шоппингу у меня точно от мамы. Ни одна катастрофа, стихийное бедствие или природная аномалия не способна отвлечь её от увлечённой покупки чего-либо.

Мама, стуча своими аккуратными каблуками, подходит к входной двери и довольно оглядывает меня. На ней одежда, какая подобает молодой богатой женщине – бежевый костюм из тёплой ткани, состоящий из длинной юбки и свободного кроя свитера.

– На этот раз ты быстрее обычного, – произносит она с наигранной серьёзностью.

Я цокаю и надеваю свой плащ, учитывая влажную погоду на улице. Дождей стало чаще, чем обычно, и мне приходится носить с собой зонт, однако сегодня он нам вряд ли понадобится.

Выйдя из дома, мы идём к чёрному автомобилю, пока двое мужчин по сторонам от нас придерживают над нашими головами по зонту. За рулём автомобиля сидит наш личный водитель, которого я с детства привыкла называть *дядей Сэмом*². Серьёзный такой высокий мужчина с седыми волосами и старомодной бородкой, который всегда носит специальную фуражку и белые перчатки.

Когда мы с мамой садимся в машину, она тут же называет адрес, пока я надеваю наушники, включая любимую песню на айпode.

– Ты опять за своё? – недовольно произносит мама, когда автомобиль трогается с места.

– М? Ты о чём? – Я уменьшаю громкость, и музыка лишь еле слышно играет где-то на фоне.

– Поговори со мной. Ты вечно живёшь где-то в своём мире. Я хочу быть ближе к тебе. Ты же моя дочь всё же.

– Но всё, что по моему мнению ты должна знать, я тебе и так рассказываю. Необязательно ведь делиться с тобой вообще всем, мне кажется.

Мама удивляется моему ответу.

– Ты действительно так думаешь?

Я лишь молчу, сама не понимая, что должна ответить.

Почему-то прокручиваю в голове мысль, что мне вовсе никогда и не хотелось быть с мамой ближе, чем мы есть сейчас. Наверное, я просто слишком привыкла жить в себе.

– Я не прошу тебя разговаривать со мной целыми днями. Просто... Хотя бы иногда рассказывай мне о том, что происходит у тебя в душе. Я не хочу упустить какой-то важный момент твоей жизни. Не хочу как-то тебя потерять.

На этот раз удивляюсь я. Я вытаскиваю наушники из ушей и смотрю маме прямо в глаза, пытаюсь что-то прочесть в них. Этот странный диалог весьма меня заинтриговал.

– Что-то случилось? – осторожно спрашиваю я. – Почему ты вдруг так заговорила?

Мама несколько секунд молчит, а затем отвечает:

– Вчера Сэмюэль покончил с собой. И, как оказалось, у него были проблемы, с которыми он ни с кем не делился. Никто не успел помочь ему вовремя, потому что никто ничего не знал. Я не хочу, чтобы с тобой произошло что-то наподобие этого.

Я хорошо помню этого парня.

Сэмюэль Гонсалес. Сын близкой маминой знакомой. Он часто заходил к нам в гости, и иногда мне даже казалось, что мама просто горит желанием свести нас с ним. Однако Сэмюэль никогда не был в моём вкусе. Обычно таких ленивых, неотёсанных и полноватых парней я

² Персонифицированный образ Соединённых Штатов Америки.

всегда обходила стороной, хоть было и не мало случаев флирта с их стороны. Легко догадаться, что на суицид его подтолкнули вечные издевательства в университете. Мне часто доводилось видеть, как кучка высоких и накаченных парней, считавшихся в универе альфасамцами, швыряли его рюкзак или верхнюю одежду на улицу и выкрикивали обидные прозвища.

Мама выглядит очень расстроенной и... напуганной. Она правда думает, что я могу поступить так же, что и этот парень. Разве я похожа на столь же несчастного человека?

– Мам, ты шутишь? – Я в растерянности.

Но она молчит, и я нахожу ответ и без слов. Я спешу успокоить её. Отогнуть все эти глупые мысли из её головы. Беру за руку, отставив айпод в сторону, и смотрю в глаза.

– Мам, я никогда так не поступлю. Я... Я не стану делать ничего подобного. Как ты могла такое обо мне подумать?

Она смотрит на меня, оторвав взгляд от запотевшего окна автомобиля.

– Просто обещай мне всегда делиться своими проблемами. Если что-то сильно расстроит тебя, рассказывай об этом мне. Прошу. Единственное, о чём я тебя прошу.

– Я обещаю, – с полной уверенностью отвечаю я и улыбаюсь.

Мама улыбается в ответ, и, кажется, всё же чуть подуспокаивается.

* * *

Учебные будни проходят как обычно, без особых изменений и новинок. Разве что сплетен стало чуть больше.

Многие обсуждают самоубийство Сэмюэля, но никто не чувствует вины за содеянное, что заставляет меня испытывать чувство омерзения к этим людям.

Крики и разговоры остальных студентов смешиваются с топотом их собственных ног, а я пытаюсь протиснуться сквозь эту стену из тел к двери, ведущей в длинный коридор с кучей других дверей. Когда мне всё же удаётся повернуть свой план, я крепче сжимаю учебник по физике и парочку тетрадей в руке. Собираюсь наконец развернуться и побежать к нужному мне кабинету, как меня вдруг кто-то обнимает сзади.

– А это мы! – раздаётся голос.

Я тут же улыбаюсь, оборачиваясь к подругам.

Сестрички Ирэн и Вэнди выглядят как всегда потрясающе.

Я не могу не заметить, что на шее Ирэн висит очень красивое ожерелье, украшенное сверкающим бледно-голубым камушком. Я достаточно хорошо разбираюсь в драгоценных камнях, – ну ещё бы, было бы невозможно в них не разбираться, живя в богатой семье, часто навещающей аукционы с подобным «товаром», – поэтому у меня сразу получается понять, что на шее подруги самый настоящий *эвклаз*³. Я оглядываю её чёрное шёлковое платье, скрытое под джинсовой курткой, и моё любопытство тут же возрастает в несколько раз. На ней сейчас не наша университетская форма, поэтому меня подобный вид удивляет.

– Ты не ошиблась нарядом? Мы вроде как в универе, а не в ресторане, – шутливо говорю я.

Ирэн тут же окидывает взглядом своё платье и довольно улыбается, поправляя его в нескольких местах.

– Нравится? – спрашивает она, хотя, скорее, это не вопрос, а утверждение. – Сразу после занятий я собираюсь на свидание. Скорее всего, даже ночевать в общежитии не останусь.

Я удивляюсь снова. Шкала моего любопытства теперь уже просто горит.

³ Редкий минерал класса силикатов, силикат алюминия и бериллия.

– И с кем же? Неужели у тебя опять появился парень? – присоединяется к беседе Вэнди, держащая в руках толстенную книгу по тригонометрии. Они сёстры, но личную жизнь друг друга почти не обсуждают.

– Помните Скотта? – В глазах Ирэн почти сияют самые настоящие звёзды. Именно так, наверное, и выглядит влюблённый человек.

– Это тот парень, с которым ты общалась в инсте? – вспоминает Вэнди.

Ирэн мечтательно вздыхает, заставляя меня закатить глаза и коротко ответить:

– Всё ясно.

Мне не хочется сейчас выслушивать чью-либо сопливую историю любви на расстоянии, ведь на носу у меня экзамен по физике, который я пропустила, пока несколько дней сидела дома. «Болела». Именно эту отмазку я и придумала и собираюсь теперь предоставить всем преподавателям, что начнут задавать вопросы.

– Ты на физику? – кричит мне вслед Вэнди.

– Ага, – коротко отвечаю я.

Когда я нахожу нужную аудиторию, я полной грудью вздыхаю, а затем и выдыхаю воздух, стоя у деревянных дверей.

По правде говоря, я совсем не чувствую уверенности. Именно про таких студентов как я можно сказать: «Несобранная, рассеянная, летает где-то в облаках» и бла-бла-бла. Единственное, что заставляет меня продолжать учиться и готовиться ко всему в последние дни – это мои родители, в своё время окончившие сразу несколько колледжей, в том числе и небезызвестный Гарвардский университет. Мне совсем не хочется, чтобы они стыдились меня, и уж точно совсем не хочется стать посмешищем в семье среди умных и образованных людей.

Войти в кабинет так или иначе придётся.

Соберись, тряпка, шепчет что-то глубоко внутри меня, и я согласно киваю самой себе. Стучусь дважды и сразу же, не дожидаясь разрешения войти, поворачиваю ручку, открывая дверь. К моему удивлению, в аудитории пусто. Ну, почти. Только на скамье, находящейся на самых задних рядах, сидит парень, вальяжно закинув ноги на стол, находящийся спереди, и держа в руке телефон. Я раздумываю насчёт того, чтобы просто свалить и вернуться в следующий раз, когда придёт преподаватель. Но вдруг парень, даже не взглянув в мою сторону, говорит:

– Можешь присесть, крошка. Мистер Уоттерс скоро придёт.

Его светлые волосы взъерошены в беспорядке, яркие голубые глаза сосредоточены лишь на телефоне, что он держит в руке. На нём наша университетская форма – чёрные штаны, белоснежная рубашка и чёрный пиджак с золотистыми вышивками на воротнике, рукавах и с изображением герба университета на груди.

Я морщу нос от вылетевшего из его рта обращения «крошка» в свою сторону, медленно иду в сторону одной из парт, от волнения крепче сжимая учебник и тетради к груди. Сажусь, пытаюсь сделать это максимально тихо, дабы не нарушить эту страшную тишину и не привлечь внимание парня.

Моя странная фобия мужского пола никогда меня не волновала, ведь благодаря ей я всё ещё не попала ни в одну неприятную ситуацию. К примеру, если вспомнить Стеллу Миллиган – одну из прилежных учениц, которая в итоге забеременела от какого-то придурка, учащегося на параллельном курсе. Или вот Тина, которую избил её собственный парень... Так что чем дальше ты находишься от мужчин, тем тебе будет лучше. Это правило я изучила.

– Я всё понимаю, я сверхнеотразим, но всё же твоё внимание меня смущает, крошка.

Я вздрагиваю от неожиданности и только сейчас понимаю: увлечённая своими мыслями я и не заметила, что всё это время в открытую пялилась на блондина через большое зеркало, висящее рядом с доской.

Ничего более умного в голову не приходит, кроме как просто резко опустить глаза к учебнику и открыть его. Щёки горят так, будто я приложила к ним горячую сковороду.

Раньше мне казалось, что я знаю всех студентов в лицо. Всё же университет, в котором я учусь, считается элитным и «не для всех», и студентов здесь меньше, чем в обычных университетах – не каждый может позволить себе отдать своего ребёнка сюда. Однако блондин, с которым мне выдалась честь пересечься, совсем не кажется мне знакомым. Хотя бы отдалённо. Он явно новенький.

Тряхнув головой, я выбрасываю из головы лишние мысли, которые совсем не должны меня интересовать, и утыкаюсь взглядом в учебник, стараясь запоминать каждую новую формулу, которую вижу на страницах.

И пока мне удаётся этим заниматься без дальнейших разговоров.

Глава 2

Кабинет заполнен тишиной от пола до потолка. Разве что моментами её прерывает стук баскетбольного мяча о землю, раздающийся из приоткрытого окна: снаружи кучка парней играют в баскетбол, активно выкрикивая имена друг друга. Я даже завидую им: я люблю баскетбол, хотя мама и не одобряет моего увлечения этим видом спорта, считая его чисто «мужским». Вот в её мечтах я хожу в какую-нибудь балетную школу или просто обучаюсь другим женственным танцам.

Я стараюсь игнорировать присутствие парня позади себя, который пишет что-то прямо в своей же руке ручкой, кидая в мою сторону странные взгляды. Словно разглядывая и делая на коже какие-то заметки по поводу моей внешности.

Мне ужасно неловко, но я не настолько дерзка, чтобы развернуться и громко поинтересоваться, чего он так пялится на меня. Так поступила бы Ирэн. И Вэнди. Но точно не я.

Неожиданно дверь резко открывается, и в аудиторию кто-то входит. Разговоры, лишний шум, топот множества ног и стуки каблучков тут же входят в кабинет вместе с их обладателями. Девушки и парни усаживаются за свои места, не переставая разговаривать ни на секунду.

Я наклоняюсь перед своим учебником по физике, провожу рукой по нужным страницам, пытаюсь выучить всё, что обязательно понадобится мне на экзамене.

– Это моё место.

В этом голосе тут же прочувствовалась резкость и раздражение. Не понадобилось много времени, чтобы понять, кто это. Совсем нежеланная мне невеста моего брата, Франческа Лидс собственной персоной.

Я поднимаю голову.

Голубые глаза блондинки, устремлённые на меня, пропитаны дикой ненавистью, злобой, и я отчётливо это вижу. У неё чёрные и длинные ресницы, пухлые губы, стройная фигура с осиной талией... Как бы сильно я терпеть не могла Франческу, я не смогу отрицать, что она очень красива. Я действительно завидую тому, какой удивительной красотой природа несправедливо наградила эту подлую девчонку.

Ох, чёрт! Ну из всех парт в этом идиотском кабинете я выбрала именно её место!

– Я сегодня сдаю пропущенный экзамен, – спокойно отвечаю я. – Мистер Уоттерс просил меня сесть поближе к нему.

– Мне наплевать, – резко кидает она. А чего же ещё я могла услышать? – Ты сейчас же встанешь и пересядешь.

Её приказный тон раздражает меня, и я прикладываю максимальные усилия, чтобы не дать себе волю и расцарапать Франческе лицо. Поступок, заслуживающий осуждения со стороны моих родителей.

– Не стану я пересаживаться, – говорю я, затем отворачиваюсь от неё и утыкаюсь в свою книгу.

Присутствующие, поняв в чём дело, тут же затихают и наблюдают за нами, словно смотрят фильм, в котором наконец началась интересная сцена.

– Не советую тебе злить меня, – цедит Франческа сквозь зубы.

– Привыкай. Ты же скоро станешь моей родственницей.

– Мне не придётся привыкать к тебе, ведь я сразу же избавлюсь от тебя.

А вот это звучит как угроза.

Я поднимаю глаза на Франческу и со злостью, смешанной с любопытством, интересуюсь:

– И как же ты это сделаешь?

Она молчит, вероятно, придумывая хороший ответ, который мог бы меня заткнуть. Однако отступать я уже не желаю. Тем более уступать этой блондинистой засранке, которую мне придётся терпеть ещё оставшиеся годы, пока я буду жить вместе с родителями, я точно не намерена.

– Я придумаю как, не волнуйся, – в итоге произносит она, прожигая меня взглядом.

На нас смотрит каждый присутствующий в аудитории студент. Может, оно и к лучшему: можно проучить Франческу на глазах у зрителей. Главное, самой не ударить в грязь лицом.

– Ещё раз говорю: я не пересяду. Ничего страшного не произойдёт, если твоя... – Как хочется произнести слово «задница», но мамины наставления и папины замечания не позволяют ему вылететь из моего рта. – Если ты усядешься на какое-нибудь другое место. – Всем своим видом показываю, что мне ужасно скучно вести этот бессмысленный диалог. Вновь утыкаюсь в учебник по физике.

– Не хочешь по-хорошему, значит... Ну ладно.

После своих слов эта блондинистая стерва куда-то отходит, однако я не поднимаю взгляда, полагая, что таким безразличным видом наконец заставлю её забыть о моём существовании и переключиться на кого-нибудь другого.

Но я глубоко ошиблась.

Внезапно меня окатывает вода. Это происходит так быстро, что я не успеваю адекватно отреагировать и лишь резко вскакиваю, издав никчёмный писк, словно мышонок, который только что попал в мышеловку. Холодная вода стекает вниз по всему телу, заставляя одежду липнуть к коже.

Тишина, которая лишь пару секунд оглушала, тут же сотрясается громким хохотом. Смех звучит вокруг меня, бьёт меня со всех сторон. Чувствую в нём такую издёвку, такую безжалостность и чёрствость... Мне кажется, словно голова закружилась, однако я всё ещё стою на ногах. Чувствую невыносимый стыд, щёки горят, ладони потеют.

– Как тебе душ прямо посреди аудитории? – бросает мне в лицо Франческа. – Ты уже не такая дерзкая, правда?

Но она не смеётся как остальные. Когда я поднимаю свой взгляд на неё, я вижу, как она стоит рядом со своими подругами и просто ухмыляется. В этой мерзкой ухмылке смешались и ненависть, и злоба, и удовольствие... Мне хочется зарыться головой в землю, исчезнуть, чтобы никого не видеть. Хочется избавиться от этого издевательского смеха. Убежать от него куда подальше.

Я случайно встречаюсь взглядом с тем самым блондином, с которым сидела всего несколько минут назад в пустом кабинете. В отличие от всех вокруг он не смеётся. Он записывает на телефон голосовое сообщение, оглядывая меня, словно обсуждает с кем-то глупую ситуацию, в которую я попала. И от этого мне становится паршивее вдвойне.

– Что здесь происходит?

Грубый голос мистера Уоттерса тут же ставит конец разразившемуся хохоту и привлекает всеобщее внимание.

Студенты тут же разбегаются по своим партам, в спешке открывая свои учебники на последней пройденной теме. Лишь я одна продолжаю стоять посреди кабинета, не зная, что делать дальше.

– Мисс Норвуд? – Мужчина опускает свои очки и внимательно рассматривает мою мокрую одежду. – Что с вами сл...

– Извините. Можно мне сдать ваш экзамен попозже? Я немного не готова сейчас.

Раздаётся тихое хихиканье. Я делаю вид, что ничего не слышала, однако чувствую на себе чей-то очень пристальный взгляд.

Преподаватель чувствует себя весьма неловко. Он сконфужен и с некой озадаченностью рассматривает меня с ног до головы. Однако мистер Уоттерс наверняка догадывается, что мой

неуклюжий вид связан с хохотом, который стоял в кабинете секунды назад. Наверное, поэтому он лишь одобрительно кивает на мою просьбу и даёт разрешение пересдать экзамен в следующий раз.

Тогда я мигом выскакиваю из кабинета, захлопнув за собой дверь и бегу в женский туалет. Встаю перед зеркалом и вглядываюсь в собственные глаза. Я даже не знаю, хочу ли плакать или мне абсолютно плевать на то, что происходит между мной и Франческой. Наверное, единственное, что каждый раз вдавливает меня в пол при встрече с ней, это предстоящая свадьба моего брата. Иметь такую невестку я точно не хочу.

Открываю воду в раковине и набираю немного в ладони. Мою лицо, пытаюсь привести себя в чувства. Смотрю на свою юбку и рубашку, пытаюсь уловить запах какого-нибудь напитка, однако всё же понимаю, что это просто вода. Погода сегодня прохладная, а значит на то, что одежда быстро высохнет сама по себе, можно и не рассчитывать. На чёрной юбке с золотистой вышивкой на поясе совсем не видно мокрых пятен, а вот на светлой рубашке вода выглядит совсем уж не привлекательно.

– Чёрт! – шёпотом ругаюсь я, даже не представляя, что буду теперь делать.

Продолжать ходить на лекции в таком виде я не могу, это естественно.

Без долгих раздумий собираю выбившуюся прядь волос обратно в высокий хвост и выхожу из туалета. Коридор пуст, что несказанно радует меня. Лишь негромкие голоса из окружающих меня кабинетов слабо доносятся до моих ушей. Главное сейчас дойти до общежития, не встретив по дороге ни одной живой души.

Пробираясь через длинные мраморные коридоры, в некоторых из которых недавно был вымыт пол, я выскакиваю из здания университета с неожиданной лёгкостью и радуюсь тому, что к общежитию, находившемуся в соседнем студенческом городке, мне удалось проскочить без лишнего внимания.

Холл почти пустует. Лишь за диваном, подсоединив к телевизору игровую приставку, развлекаются двое парней, наверняка, прогуливающие свои занятия. В принципе, некоторые студенты могут себе это позволить, ведь за них сессию закроют их богатые родители. Парни играют почти бесшумно, поэтому мне не удаётся остаться незамеченной, когда я уже почти дохожу до лестницы.

– Зачётный прикид, Норвуд, – смеётся один из них, и я сразу узнаю в нём одного из дружков Франчески.

Закатив глаза, я игнорирую его слова и поднимаюсь вверх.

Женской частью общежития считаются третий и четвёртые этажи, и по правилам вход парням туда запрещён. Однако мало кто следует этому правилу, приводя своих бойфрендов к себе в комнаты на всю ночь, откуда затем стены сотрясают стоны и крики.

Моей соседкой является Ирэн, и мне повезло, что не пришлось делить комнату с незнакомкой. Но минусы тоже есть: Ирэн – любительница менять парней как перчатки, оттого и в нашей комнате они частенько появляются. Я надеюсь, своего нового ухажёра она к нам не потащит.

Добравшись до нужной мне двери, я накладываю свою карточку-ключ к панели сбоку, и наконец вхожу в комнату.

Неоновые подсвечники освещают потолок красивым фиолетовым цветом. На стене около кровати Ирэн висят многочисленные фотокарточки с её семьёй, друзьями и любимыми питомцами – кроликом Альбертом и пуделем Кэйти, которых мне доводилось видеть не раз. Раму зеркала обвивает провод из маленьких лампочек, а на столе большинство вещей принадлежат Ирэн. Она постоянно укладывает свои волосы, использует миллион самых разных баночек по уходу, а ещё имеет огромную коллекцию резинок и заколок. А вот уже на столе, где мы обычно делаем домашнюю работу, если специально отведённое для этого помещение в здании университета заполнено, стоит мой мак, баночка с карандашами и ручками, несколько книг

из художественной литературы, настольное зеркало и фотография в рамочке. С неё на меня смотрит папа, мама и Дилан. Они улыбаются и выглядят по-настоящему счастливыми. А мне вновь становится грустно, когда я вспоминаю о Франческе и о том, что совсем скоро она станет членом нашей семьи.

Попытавшись выкинуть негативные мысли, я открываю шкаф с одеждой и тянусь к своей полке, доставая новую рубашку и юбку: к счастью, у нас всегда есть запасная форма на случай, если одежда запахнет. Сняв весь свой мокрый наряд, я переодеваюсь почти за тридцать секунд и довольная собой иду к шкафчику рядом со своей кроватью. Достая фен и сушу волосы, заодно собирая их в высокий пучок.

Окно, доходящее до самого пола, закрыто чёрными жалюзи и скрывает собой лучи солнца. Я вдруг начинаю размышлять над тем, что совсем не хочу идти на занятия и уж тем более сдавать экзамен, который я по глупости своей пропустила на прошлой неделе. Больше всего хочется сейчас плюхнуться на кровать и просто проспять целый день. Учить то, что выбрала для меня моя мама, сложно настолько, что частенько я чувствую, как учёба высасывает из меня все силы.

Покончив со своими волосами, я смотрюсь в зеркало и пытаюсь улыбнуться, чтобы выйти отсюда нормальным человеком, которого всё устраивает. И мне это даже удаётся.

В коридоре уже появились люди. Несколько студенток, весело подпевая музыке из телефона одной из них, проходят мимо меня к своим комнатам, и я радуюсь, что они не знают о том, как я опозорилась всего двадцать минут назад.

К зданию университета я дохожу без дальнейших происшествий. Занятия почти кончились, поэтому я не вижу никакого смысла идти к мистеру Уоттерсу со своим несданным экзаменом и, видя в этом отличный шанс подготовиться, бегу сразу в библиотеку.

Только я ступаю за дверь, как меня встречает запах книжных страниц и удивительная тишина. Только парочка людей сидит за длинным столом, щёлкая клавиатурой своих ноутбуков. Книги выстроены солдатами на длинных многочисленных полках, а столы и стулья оказались посередине громадного зала. С потолка всё пространство освещает дорогая роскошная люстра.

Я добираюсь до пустого стола и ставлю на него свой учебник по физике. По-прежнему не чувствую никаких сил и желания готовиться к экзамену, но заставляю себя смиренно сидеть и начать подготовку, вспоминая слова родителей, вечно твердящих о нашей образованной семье вплоть до дальних предков. Я не имею права становиться кем-то иным.

Долго пялюсь на обложку, пока наконец всё же не открываю учебник и приступаю к делу.

Наверное, я трудилась над ним целый час, потому что когда я поднимаю голову и гляжу на часы, они показывают уже совсем другое время, чем до этого.

Даже настроение приподнимается от мысли, что я сумела-таки оставить кое-какую информацию из всего изученного текста в голове, мысленно себя хвалю и закрываю учебник. Хочу уже встать, но решаю дать себе пару мгновений отдыха.

Сидя на том же месте, я просто смотрю по сторонам, на студентов, которые сидят, уткнувшись носом в ноутбуки или учебники, лишь изредка что-то шепча самому себе, рассматриваю полки со множеством книг.

И вот так, изучая окружающую меня обстановку, я вдруг замечаю фигуру, сидящую впереди за одиночным столом. Это незнакомый мне парень, читающий книгу. Хотя сказать, что он читает книгу, которую держит в руке, нельзя. Большую часть времени он смотрит на меня и совсем этого не скрывает. Даже когда я нарочно смотрю ему прямо в глаза, он не отворачивается. Заставив меня почувствовать себя максимально некомфортно, незнакомец переставляет ноги и наконец устремляет взгляд на свою книгу. И только он это делает, как я не удерживаюсь от того, чтобы рассмотреть его повнимательней.

Странно, что я не заметила его раньше, ведь поза, которую он принял, выглядит не совсем подобающе студенту, который посетил библиотеку. Он держит в руке какую-то художественную книгу (кажется, это что-то из Чака Паланика), направив взгляд своих зелёных глаз точно на страницы. На его пальцах сидят серебряные кольца, а одежда выделяется среди нашей униформы – на нём свободная рубашка тёмно-бардового цвета с изображением роз и зауженные чёрные штаны. На шее, кажется, висит цепочка с крестом. Он одет очень странно и непривычно, ведь все остальные вокруг ходят и сидят в своих университетских формах.

Он прямо-таки хорош собой. Вот самая первая мысль, пролетевшая в голове от его образа. А что если это вовсе не студент, а новый преподаватель, допустим?

Внезапно парень снова поднимает свой взгляд, и в отличие от него мне не удаётся сохранить полную невозмутимость: я резко опускаю глаза, проклиная себя за идею его рассматривать. Тут же чувствую, как во мне нарастает острая неловкость, пронизывающая меня до самых костей.

Почти так же внезапно, как и неожиданная встреча наших взглядов, парень вдруг ставит книгу на стол, встаёт и направляется ко мне. Я незаметно для него нервно сжимаю руку в кулак, а сердце тут же увеличивает свой темп биения, готовясь к чему-то плохому. Наверняка он сейчас пустит какую-нибудь колкую шуточку, а я просто послушно её проглочу, как и всегда...

Но мои ожидания не оправдываются.

Вместо того, чтобы сказать что-то, он просто кладёт небольшой предмет на мой стол и проходит мимо. От него веет мятной свежестью.

Я несколько секунд в удивлении гляжу на небольшой клочок бумаги рядом со своей рукой, оставленный им, затем осторожно поворачиваюсь назад. Самого парня уже нет в библиотеке.

Пару минут я ещё детально осматриваю огромное помещение в поисках этих удивительно ярких зелёных глаз, но вместо них меня встречают лишь задумчивые лица читающих свои учебники студентов вокруг.

С интересом я беру сложенную в несколько раз бумажку в руку и открываю её. Удивившись увиденному, я даже не сразу понимаю, как должна реагировать дальше.

На белоснежной поверхности бумаги выведено лишь одно предложение, а написано оно аккуратным, красивым почерком:

В следующий раз я непременно осмелюсь заговорить с тобой и не разочароваться в том, что кто-то уже сумел овладеть твоим сердцем, красивая незнакомка.

* * *

После всех занятий мы встречаемся с Ирэн в нашей комнате в общежитии.

Вэнди совсем не видно, и я даже решаю, что в университете её нет. Это очень на неё похоже: большую часть своей жизни она тратит на прогулки по разным красивым местам, посиделки в кафешках и путешествия. Ей всегда сложно усидеть на одном месте, и больше всего она отдаёт своё предпочтение подвижному образу жизни. Чем, кстати, сильно отличается от меня.

Почти весь вечер я лежу на кровати, размышляю о случившемся в библиотеке и разглядываю написанную на бумажке надпись, с каждой секундой сомневаясь всё больше и больше в её реальности. Ирэн замечает мою увлечённость почти сразу. Стоя у зеркала и нанося на свои губы красную помаду, она интересуется:

– Что это ты с таким интересом разглядываешь уже битый час?

– Ты не поверишь, – отвечаю я весьма интригуяюще для любопытной особы.

Девушка поворачивается ко мне, и в её голубых глазах зажигается искра любопытства. Она садится на кровать у моих ног и протягивает свою ладонь.

– Теперь я точно хочу знать, что это. Дай посмотреть.

Я отдаю ей листок. Она с удивлением разглядывает фразу и слишком громко спрашивает:

– Это то, о чём я думаю?!

– Я без понятия, о чём ты думаешь.

Ирэн вскакивает с кровати и смотрит на меня таким взглядом, будто я утаиваю что-то поистине важное.

– Это было предназначено тебе?

– Да, наверное, – пожимаю плечами я.

– Серьёзно? – спрашивает она почти визжа. – И кто же? Живо признавайся! Я хочу знать всё!

– Я его впервые вижу. Парень какой-то, сидел в библиотеке, пока я готовилась к экзамену.

– О боже! Этот день всё же настал, хотя Вэнди пророчила другое!

– Да брось, Ирэн... Это наверняка просто шутка.

Я делаю вид, что мне не интересен этот разговор, забрав листок у подруги, бросаю его на кровать, будто мусор, и сажусь за стол. Слышу за спиной недовольный вздох Ирэн и стук её каблучков об пол.

– Вот это в тебе меня ужасно раздражает! – произносит она. – Я, конечно, люблю тебя, но твоя низкая самооценка действует мне на нервы!

– Причём здесь моя низкая самооценка?

– А притом, что ты даже не можешь принять тот факт, что кто-то может делать тебе комплименты. Ты себя не любишь, Лина! И это неправильно. – Ирэн кладёт помаду на свой столик и подходит ко мне. Садится на краешек моего стола. – Кто этот парень? Будем делать из тебя человека.

– Я же говорю, без понятия. Он просто положил это рядом со мной и ушёл! И это уже неважно. Я всё равно не стану ничего делать, что бы ты там не задумала насчёт него.

Ирэн раздражённо стонет.

– Ну хотя бы имя его назови. Пожалуйста!

– Не знаю. Я не знаю *ничего* о нём.

Подруга надувает губы, словно обижаясь, а я стараюсь не обращать на неё внимания. Встряхиваю собственные мозги, избавляясь от ненужных мыслей, и тру виски. В голове – каша из всего неважного, а Ирэн, стоящая надо мной, заставляет меня чувствовать себя виноватой.

Хоть я и делаю вид, что открываю на маке документ со своим рефератом и вникаю в написанное, внутри я напряжена и не могу перестать вспоминать зелёные глаза того парня.

– Всё, я пошла. – Ирэн поправляет свои волосы, вечность стоит перед зеркалом и разглядывает свои роскошные золотые локоны, прежде чем наконец подойти ко мне. Она целует меня в лоб, оставив след от помады, который я сразу вытираю рукой. – Скотт уже заждался меня, ждёт внизу.

– Я надеюсь, ты не наделаешь глупостей, – ухмыляюсь я.

– А я надеюсь, что этот загадочный автор записки, пригласит тебя на свидание и ты наконец вступишь в наш клуб «недевушечниц».

Я хватаю и кидаю в неё подушку, а она, смеясь, наконец выскакивает из нашей комнаты в коридор.

Спустя время занятий за маком, разве что моментами прерывавшихся мыслями о парне из библиотеки, я решаю наградить себя отдыхом: как раз тогда, когда на часах показывает одиннадцать часов вечера. Выйдя в коридор, я лишний раз убеждаюсь в том, что в одной из комнат женского этажа вновь устроился чей-то бойфренд, потому что не слышать эти грязные словечки и непристойные звуки было бы просто невозможно.

Мой телефон пестрит эсэмэсками от мамы. Она отправляет мне фотографии купальников и спрашивает, какой из них я бы хотела надеть на наш будущий отпуск. Я улыбаюсь, идя вперёд и печатая ответ.

Наверное, мне совсем не стоило идти по коридору, уткнувшись взглядом в телефон, и я в полной мере убеждаюсь в этом, только когда неожиданно врезаюсь в кого-то. От неожиданно-сти я чуть не спотыкаюсь об свою же ногу, однако меня ловко удерживают на месте чьи-то руки.

– Ох, чёрт! – успеваю произнести я, затем резко проглатываю язык, уставившись на чело-века перед собой.

И вот, оказалось, наша встреча произошла гораздо быстрее, чем я думала.

Обладатель тех самых настойчивых зелёных глаз, следивших за мной в библиотеке, уби-рает руку с моего плеча, но отходить не собирается. Стоит слишком близко ко мне. В коридоре у лестничной клетки, где мы оба стоим, тихо, и моё дыхание – единственный звук, который я слышу.

Когда я прихожу в себя, я делаю пару шагов назад, сохраняя расстояние, которое пока-залось мне самым безопасным.

– Привет, – спешно бросаю я, крепко сжав телефон в руке. – Извини, я просто... Просто я читала сообщения. НЕ хотела на тебя налетать.

Он молчит и просто пристально смотрит, заставляя меня чувствовать себя ещё глупее, чем до этого. И мне это ужасно не нравится.

Но ненароком я люблюсь.

Какой он высокий... И крепкий. Наверное, метров сто восемьдесят пять, не меньше, и спортом занимается точно. С каштановыми волосами, цветом походящими на тёмный шоко-лад.

Интересно, что он забыл в женской части общежития?

– Я могу пройти? – В моём голосе явно чувствуется раздражение, вызванное зрительным контактом, который он на меня обрушивает. – И можно не смотреть на меня так, пожалуйста?

– А мне нельзя смотреть на тебя?

Такой вопрос, к которому и ответа нормального не сыщешь налету.

– Мне не хотелось бы, чтобы на меня так пялились. – Я чувствую, что выставляю себя ещё большей душой своими репликами, но не могу остановиться нести свою медлительную чушь. – И никому бы не понравилось, я думаю.

– Ладно, больше не буду.

Мне показалось, что его губы дрогнули, и на них появилась едва заметная улыбка, твер-дящая о том, что он наверняка смеётся надо мной.

Жду, когда он отойдёт, освободив мне дорогу, но он стоит на месте, не отрывая взгляда ни на секунду. Так неловко мне ещё никогда не было.

– Ладно, – единственное, что отвечаю я, и тут же опускаю глаза к телефону, собираясь продолжить путь.

Я успеваю сделать лишь пару шагов в сторону в попытке его обойти.

– Ты не очень общительна, как я смотрю. – В его голосе чувствуется насмешка. Мне приходится остановиться. – Тебе не хочется даже моего имени узнать? Тебя моя записка в библиотеке совсем не заинтересовала?

Я поворачиваюсь к нему, поднимаю голову и смотрю в его глаза, почти больше не стес-няясь. На этот раз он одет немного иначе: в чёрный свитер с длинным «горлом», почти полно-стью закрывающим его шею, и чёрные штаны.

Снова выделяется внешне.

Я только сильнее убеждаюсь в том, что точно не встречала его здесь раньше.

– Ну... – медленно растягиваю я, вспоминая слова в его записке. А потом не придумываю ничего лучше, кроме как поблагодарить его за них: – Спасибо?

У него вырывается краткий смешок, а затем:

– Это не то, что я ожидал услышать.

– Извини, что разочаровала, но я должна идти, – отвечаю я. – Мне нужно готовиться к экзамену по физике, так что я пойду. Нет у меня времени болтать тут с тобой.

– Правда? А я считал тебя заядлой прогульщицей.

Меня снова посещает недоумение:

– С чего бы вдруг?

– Тебя не было в университете целую неделю.

Его ответ удивляет меня, заставив мозги напрячься. А ещё немного насторожиться. Вопрос выскакивает из моих губ быстрее, чем я успеваю понять, насколько он глуп:

– Откуда ты об этом знаешь?

– Мы ведь учимся в одном университете. Разве не очевидно, откуда?

– Да, но... Я ещё тебя не замечала. И это странно...

– Почему? – спрашивает он.

Ты не похож на того, кого можно не заметить, хочется сказать мне, а потом ещё и добавить что-то вроде: *«тем более что ты такой красавец!»*, но выдавливаю я из себя простое:

– Просто странно. И всё.

Именно такие красавцы как он всегда в центре внимания у всего нашего университета. Он обязательно был бы популярен, если бы учился с нами...

И я вдруг снова возвращаюсь к своему изначальному предположению: а может он и не студент вовсе, а самый настоящий преподаватель? Это объяснило бы его одежду.

Он продолжает стоять передо мной и молчать, словно ожидая от меня ещё каких-то слов.

– Ты что-то ещё хотел? – Во мне просыпается уже откровенное недовольство, однако я его пока в полный ход не пускаю.

– Да. Пригласить тебя на свидание.

Сказанное им поражает меня настолько, что я не сдерживаюсь от нервного смешка, овладевшего моим языком самостоятельно. Но вот на лице парня не дрогнул ни один мускул, что говорит о серьёзности его слов. Я перестаю смеяться, поняв, что то, что он произнёс секунды назад, вовсе не шутка.

– Ты сейчас серьёзно? – уточняю я, напрочь позабыв о своей неловкости.

– Вполне.

Это уже больше смахивает на забавную игру. Или на глупые способы поиздеваться надо мной.

– Ты даже не знаешь, как меня зовут.

Он качает головой:

– Я знаю, как тебя зовут.

– Да? И как же?

– Тебя зовут Каталина, но твои подружки и брат называют тебя Линой. Как, впрочем, почти все близкие тебе люди.

Сегодняшний день обещает закончиться на очень интересной ноте, раз меня приглашает на свидание чертовски привлекательный парень, которого я вижу впервые, но которому, видимо, что-то известно обо мне.

– С тобой мои подруги разговаривали? – в подозрении шурюсь я, начиная уже строить кое-какие догадки. Может быть, Ирэн что-то ему ляпнула. Вполне могла.

– Нет.

– Откуда ты тогда узнал моё имя?

– Захотел и узнал, – выдаёт в ответ Мистер-Красавец.

Я хмурюсь, неудовлетворённая его ответом.

– Знаешь, я не хожу на свидания, – говорю я, совершенно не понимая, почему всё ещё стою здесь и продолжаю с ним разговаривать.

У него мои слова вызывают лишь лёгкое поднятие бровей и вопрос:

– Почему же?

– Я помимо того, что заядлая прогульщица, к тому же, как бы парадоксально это не звучало, настоящая зубрила. Я и так жутко отстаю, а отношения точно разрушат все мечты моей мамы. А она больше всего на свете хочет того, чтобы я окончила университет безупречными баллами.

– Как скажешь. Но ведь дружить-то мы можем, верно?

Я смеюсь, посчитав его слова странными.

– Как у тебя всё просто. Сначала зовёшь девушку на свидание, а после отказа сразу же пускаешь в ход план «Б»? Ты заранее это придумал или..?

Звучит как флирт, думаю я, одёргивая себя от продолжения.

– Тщательно готовился. Не люблю неожиданности. – Он хмурит брови и переспрашивает: – Ты всё ещё не ответила на мой вопрос.

Делаю вид, что задумываюсь.

– Я подумаю над твоим предложением.

Кратко кивнув, парень как будто довольный услышанным, говорит:

– Хорошо, я подожду.

– И как долго собираешься ждать?

– Сколько потребуется. – Он переводит взгляд на часы, закреплённые на его правом запястье, а потом говорит: – Трёх часов, думаю, будет достаточно.

Я открываю рот от его уверенного и очень приказного тона, но ответить не успеваю.

– Ещё увидимся, Каталина. Время пошло.

Он проходит мимо меня, собираясь уходить.

Проходит несколько секунд, прежде чем я прихожу в себя от удивления и возмущения и пытаюсь остановить его, поворачиваясь и задавая интересующий меня вопрос:

– Ты не назвал мне *своего* имени.

Но его в коридоре уже нет.

Самая странная встреча в моей жизни...

Глава 3

Проводить ночь в общежитии, принадлежащем элитному университету, всегда как особый праздник. Коридоры уже давно утопают в тишине, в комнатах погашен свет.

Но только в нашей комнате всё ещё кое-кому не спится. Мне не спится.

Лёжа на своей тёплой постели, я гляжу в потолок и не могу избавиться от вечных раздумий.

И раздумываю я, конечно, над нашей с незнакомцем встречей.

Надо же... Ещё только вчера я что-то мямлила про то, какие мужчины плохие и всё в таком роде, а после предложения дружбы от единственного в моей жизни представителя мужского пола, с которым я проболтала больше пяти минут, вдруг уже взлетела на седьмое небо и пару там, где-то в облаках.

Я мельком смотрю на свой телефон, лежащий на столе, а в голову приходят мысли вроде: *«Нужно рассказать об этом Вэнди и Ирэн!»*. Но уже спустя полсекунды задуманное тут же испаряется где-то в чертогах разума. Решения более глупого и придумать нельзя! Ирэн и Вэнди – те самые карикатурные образы девчонок, что невообразимо любят посплетничать. Не успею я и слова сказать в своё оправдание, как стану жертвой всего универа. Меня будут обсуждать все.

Это же просто розыгрыш, убеждаю себя я. Наверное, он так развлекается в своё свободное время. Я просто попалась ему под руку. Никакой человек, если он в здравом уме, не станет приглашать на свидание или предлагать дружбу проходимке.

– Лина? Ты что, ещё не уехала домой? – раздаётся удивлённый голос Ирэн.

Я поворачиваю голову в сторону двери и вижу нарядную подругу, не перестающую поправлять свою и без того пышную причёску. Она вернулась со свидания гораздо раньше, чем я думала.

– Сегодня решила переночевать в общежитии, – отвечаю я, быстро отогнав мысли так, будто бы боюсь, что они отразятся у меня на лице. – Я звонила, чтобы предупредить маму. Она была не против... А как прошло твоё свидание с этим Скоттом? Я удивлена, что вы провели так мало времени вместе.

– Я ещё не вернулась. Пришла, чтобы забрать кое-что... Так что ещё рано, но-о-о...

Ирэн улыбается ещё шире, быстро оказывается рядом со мной, садится на кровать и мечтательно вздыхает.

– Лина... Он такой... такой... невероятный! – Её голос настолько счастливый, что я сама улыбаюсь, не сдержавшись. – Он гораздо лучше в жизни, чем на фото! А ещё он секси. Он столько всего мне рассказал о себе, о своей семье. О жизни, в целом. Я тут же поняла, вот он – мужчина моей мечты!

– Ирэн, не преувеличивай, – смеюсь я. – Ты только на одно свидание с ним сходила, а уже думаешь, что знаешь о нём всё. Не будь такой глупенькой.

– Я достаточно хорошо его знаю.

– Ошибаешься. Даже после долгих лет брака многие пары ещё не до конца узнают друг друга.

– Иди ты к чёрту, Лина-эксперт-по-отношениям-не-имея-своих-отношений, – обиженно произносит Ирэн и надувает губы, словно ребёнок. – Почему ты не можешь просто за меня порадоваться?

– Я очень рада за тебя. Просто я – реалист. Что мне с этим поделать? Я не верю в любовь из кино и сказочных книжек.

– А сегодня, когда ты разговаривала с тем красавчиком в коридоре, мне кажется, ты думала иначе.

Её слова поражают меня настолько, что я вылупляю глаза и не могу произнести ни слова в ответ. Чувствую себя преступником, которого только что поймали за очередным преступлением.

– Я всё видела, Лина, – хихикает подруга. – Можешь даже не пытаться что-либо отрицать.

– Ты что, следила за мной? – в качестве защиты предъявляю я, хоть и понимаю, насколько это глупое рассуждение. – Ты же... Тебя же не было там! Как?

– Сначала я шла по этим дурацким лабиринтам целую вечность, хотела зайти к Вэнди за презиками, но увидела кое-что поинтереснее... Вы там стоите посреди коридора, улыбаетесь друг другу. Вы выглядели ужасно мило со стороны! Почему ты не сказала, что он настолько хорош?! Это ведь он тебе ту записку оставил, да?

– Слушай, мы не улыбались друг другу. Мы просто разговаривали.

– О чём же, если не секрет?

– Он просто... поздоровался со мной.

Ирэн хочет ответить что-то, но её прерывают. Из-за открытой двери вдруг показалась голова Вэнди. Её каштановые волосы чуть ли не до самого пола, сплетены в косу, и если бы они были золотистого цвета, как у её сестры, то Вэнди легко можно было бы спутать с Рапунцель.

– О чём болтаете, девчонки? – интересуется она. – Ваши голоса доходят до самого холла.

– Ничего особенного, – ухмыляется Ирэн, – вот только у нашей Лины, кажется, намечается роман.

– Серьёзно?! – визжит Вэнди. – Что я пропустила, мать вашу?!

Я вскакиваю с кровати, толкаю её в комнату и плотно закрываю дверь в надежде избежать острых ушей и слишком длинных языков, каких в универе предостаточно.

– Именно поэтому я и не хотела ничего вам говорить! – произношу я с резким недовольством.

– Ты же у нас самая крутая разведчица, – игнорируя меня и обращаясь к Вэнди, говорит Ирэн. – Скажи, не знаешь ли ты такого парня... Ну, такой секси, каштановые волосы, высокий... – Потом подруга задумчиво пялится в одну точку и добавляет: – Я думала, что знаю всех, кто здесь учится, но его впервые вижу.

– Вы, наверное, о новеньком, – сразу выдаёт Вэнди, словно догадаться было легче лёгкого, а мы оказались слишком глупы для этого. – Имени я пока не знаю, но, кажется, он раньше на домашнем обучении находился. Приходил раз в месяц, что объясняет то, что мы его не видели раньше. По крайней мере, так я слышала.

Успеваю понять, что слегка разочарована фактом его продолжающейся безымянности, но на лице этого не показываю.

– Погодите... – Вэнди подносит к приоткрытым в вопросе губам свою ладонь. – А почему ты спрашиваешь? Не хочешь ли ты сказать, что...

– Полчаса назад я видела, как Лина болтала с ним в коридоре, – отвечает Ирэн. – Он практически в любви ей признался в записке днём ранее!

– В какой записке?

Далее Ирэн долго и мучительно растягивает рассказ о записке, о словах, которые были на ней выведены аккуратным почерком, потом додумывает что-то своё, и я не выдерживаю:

– Да бросьте вы уже этот глупый разговор! Он просто... просто...

– Этот парень ещё ни с кем не общался, кроме как со своим светловолосым приятелем, – говорит Вэнди почти строго. – А с тобой вдруг решил пообщаться... Это же неспроста.

– Господи, Вэнди. – Я снова падаю на кровать, закрыв лицо подушкой. – Я терпеть не могу, когда вы начинаете нести откровенную чушь!

– Вот увидишь, мы будем стоять рядом в качестве подружек невесты однажды.

– Ирэн! – возмущённо кричу я, кидая в прелестное личико подруги подушку. – А не пора ли тебе лететь к своему Скотту на крыльях любви?

Она хохочет, неожиданно схватив плюшевую игрушку со своей кровати и кинув её в мою сторону. От неожиданности я вскрикиваю, пытаюсь создать защиту из рук и хохочу.

Мы могли бы продолжить нашу весёлую драку, если бы не строгий голос миссис Милшер, в ту же минуту как по волшебству появившуюся возле дверей:

– Девочки! Какого чёрта вы тут раскричались?! Все спят давно!

Мы тут же затихаем, резко встав с кровати.

Женщина смотрит на нас со злостью, волосы растрёпаны, а тень, падающая на её худощавое и длинное лицо, придаёт ей интересный образ призрака из старых фильмов ужасов. Мы втроём еле сдерживаемся от того, чтобы не засмеяться от подобной картины.

– Живо ложитесь спать! Если я услышу хоть один звук, будете всю ночь полы мыть во всём общежитии! И мне плевать, кем являются ваши родители!

После своих грубых слов миссис Милшер исчезает в тени, и мы свободно выдыхаем воздух, садясь на кровать. Вэнди хихикает и устраивается на моём стуле, но лицо её задумчивое.

– Завтра я всё равно узнаю подробности о ваших отношениях с новеньким, – шепчет Ирэн.

– Нет у нас с ним никаких отношений, – так же тихо отвечаю я.

– Да, да, конечно.

– Ты невыносимая... – Схватившись за голову, я тяжело вздыхаю, затем поднимаю глаза, полные мольбы. – Пожалуйста, никому ни слова. Я не хочу слышать никаких слухов о себе. Прошу вас, молчите.

Ирэн вздыхает. Вздыхает и Вэнди, которая затем, улыбнувшись, отвечает:

– Ладно. Мы никому ничего не расскажем. Если тебе так угодно.

И я окончательно расслабляюсь и позволяю себе лечь в кровать в полной безмятежности.

* * *

– ...А затем и вовсе исчез, представляете? Я думаю, это был такой тонкий намёк на то, что убила эту девчонку именно та стерва! Да я в этом уверена!

Я сижу за столом, пытаюсь запихнуть в себя остатки клубничного пирога, слушая пересказ Вэнди о вчерашнем просмотренном ею сериале. Ирэн сидит рядом со мной, аккуратно нарезая свою яичницу на несколько небольших кусочков так, чтобы они легко поместились в рот.

Завтрак в университете часто проходит не так шумно, как, например, обед или ужин, так как студенты предпочитают либо вообще не завтракать, либо просто хватают шоколадный батончик и едят его прямо во время занятий. Однако мне так поступать мама напрочь запретила, поэтому мне приходится каждое утро спускаться в столовую, чтобы плотно позавтракать.

– А та женщина... – произносит Ирэн, отпив немного сока. – Марго, по-моему... Она никак к этому не причастна?

– Нет! Я же говорю. Она пыталась узнать, что находилось внизу, пока труп продолжал гнить в подвале. Это та Мэрая убила дочь хозяина, так как та была против их брака с её братом.

– Что-то мне этот сюжет напоминает, – намекает Ирэн, взглянув в мою сторону. Чувствую, как она еле держится, чтобы не засмеяться. – Лина, я очень надеюсь, что Франческа на такое не способна.

– Ха-ха, как смешно, – выливается мой сарказм. – Если вдруг она сделает что-то подобное, можете сразу звонить в полицию и показывать этот ваш сериал в качестве подробного плана убийцы.

– Договорились, – смеётся Вэнди, откинувшись на стул.

Я закидываю в рот последний кусок своего десерта и смотрю на настенные белоснежные часы, висящие на самом видном месте.

– До следующей лекции ещё двадцать минут, так что я пойду сдавать физику, пока вы тут будете развлекаться.

Я встаю, допиваю свою кружку чая и хватаю учебник со стола.

– Удачи, детка, – машет рукой Ирэн.

Я киваю и спешно выбегаю из столовой.

Длинный каменный коридор, почти повторяющий очертания Хогвартса, освещён ярким светом из десятка хрустальных ламп и светильников, даже несмотря на то, что вокруг одни сплошные окна, доходящие почти до самого потолка, украшенного античным орнаментом. Наверное, наш университет можно легко спутать с каким-нибудь музеем, особенно глядя на эти выстроившиеся колонны, образы статуй и огромный окружённый цветами фонтан во дворе, вымощенном камнем.

Мимо меня моментами проходят остальные студенты, а я мысленно молюсь не встретить Франческу. К счастью, она чаще всего проводит время в соседнем корпусе, так что я могу быть спокойна. Именно по причине её существования в моей жизни мне не хочется видеть и Дилана. После нашего с ним разговора он, кажется, обиделся на меня, так как ещё ни разу мне не позвонил, хотя каждый день до этого писал, чтобы узнать, как я или просто поболтать о чём-нибудь. Извиняться я, однако, не собираюсь, ведь все мои слова были абсолютной правдой.

Я заворачиваю за очередной угол и наконец вижу табличку с надписью: «*Аудитория 16*», а рядом выгравировано «*мистер Уоттерс*». Пару секунд стоя перед дверью, я наконец стучусь дважды.

– Да? – доносится изнутри, и я, открыв дверь, вхожу в помещение.

Как только преподаватель видит меня, он тут же встаёт со своего места и подходит ко мне с листом бумаги в руке.

– Мисс Норвуд, а я вас ждал. – Он протягивает мне лист со словами: – Вот ваш экзаменационный бланк. Можете приступать к заполнению. Только учтите, что он должен быть у меня уже через сорок пять минут. У меня тяжёлая лекция впереди. Удачи, мисс.

Я лишь молча киваю в ответ, беру лист и иду к парте.

Аудитория, к счастью, пуста, и я чувствую себя абсолютно расслабленной. Ставлю бланк перед собой, убираю учебник по физике в сторону, расстраиваясь тому, что я не успела повторить пройденный материал на должном уровне. Утыкаюсь головой в тест, состоящий из множества вопросов, и вдруг понимаю, что сдать экзамен будет сложнее, чем я думала. Боже... Был бы здесь отличник Дилан, он бы почувствовал за меня такой стыд...

Когда отчаяние окончательно раздавило меня в пол, я решаю оставить вопросы, которые кажутся мне наиболее сложными, на потом. Тогда, схватив ручку, ставлю галочки на ответах, в которых уверена на все сто процентов. Хочется поскорее завершить и уйти, так что я успеваю ответить на большинство вопросов где-то за десять минут.

– Вы продолжайте, а мне срочно нужно отойти на ненадолго, – вдруг произносит мистер Уоттерс, до этого в тишине сидевший за своим рабочим столом, листая страницы какой-то книги.

Не дождавшись моего ответа, он выходит, и я остаюсь в кабинете наедине с собой и своими слишком громкими мыслями.

Неужели он настолько доверчив, раз уходит из кабинета, где сидит его ученица и сдаёт очень важный экзамен? Или это какая-то проверка меня на честность? Но дверь полностью закрыта, а в аудитории нет ни одной камеры.

Когда я вновь смотрю на свой экзаменационный бланк перед собой, на телефон вдруг приходит сообщение. Не уверена, стоит ли мне его сейчас доставать, учитывая то, что мысли о проверке всё ещё у меня в голове, а мистер Уоттерс может войти в кабинет в любую минуту. Однако любопытство оказывается сильнее моей осторожности, и я вытаскиваю свой телефон из кармана своего пиджачка, тут же уткнувшись в экран.

тебе помочь?

От: Неизвестный номер

10:23

Я хмурю брови, удивляюсь, внимательно разглядывая номер телефона. Обычно все номера знакомых у меня обязательно записаны в контактах, а этот в моём телефоне выскакивает впервые. Сначала я замешкалась, пытаюсь обдумать, стоит ли отвечать или лучше проигнорировать... Однако первый вариант тут же побеждает, и я начинаю печатать ответ.

А мы с тобой знакомы?

От: Каталина

10:23

Я в ожидании ответа уставилась на экран.

возможно

От: Неизвестный номер

10:23

Это не ответ :/

От: Каталина

10:23

*а может мне не хочется
называть своё имя, Каталина*

От: Неизвестный номер

10:24

Но как вижу ты знаешь моё.

Значит мы знакомы

От: Каталина

10:24

у тебя 15 минут.

Я могу помочь тебе с твоим тестом.

От: Неизвестный номер

10:24

А зачем ты мне помогаешь?

От: Каталина

10:24

мы же друзья

От: Неизвестный номер

10:24

Догадка тут же пронзает мне череп. Но тем не менее от печатания ответа я не отказываюсь.

Правда? Тогда почему бы и нет

От: Каталина

10:24

пришли фото теста,

я отправлю ответы

От: Неизвестный номер

10:25

Я улыбаюсь как дура и тут же выполняю указания собеседника. Фотографирую бланк с тестом так, чтобы всё было отчётливо видно. Присылаю незнакомцу и с острым любопытством, заставляющим мои колени дрожать, жду ответа.

Честно сказать, мне казалось, что это какой-то розыгрыш, и этот человек просто пошутил насчёт своей помощи, поэтому я изначально настроена весьма скептически. И при этом чувствую себя преступницей, потому что прежде я ещё ни разу не шла на такие авантюры как списывание важных экзаменов.

После моего отправленного фото он не отвечает пару минут, возможно, действительно заполняя тест. Но вот, наконец после недолгого времени мне действительно приходит долгожданное сообщение в виде текста, состоящего из нумераций заданий, а рядом с ними и букв, означающих правильные ответы.

Я хватаю ручку и переписываю всё, что мне прислали. Конечно, стопроцентно уверенной в том, что ответы действительно верные я не могу, однако время поджимает, да и проверить это уже не успею.

Как только я заканчиваю переписывать, я вновь утыкаюсь в экран телефона. Пишу короткое «спасибо», однако ответа не получаю. Жду ещё пару минут, но сообщения не пополняются, отчего я, почувствовав опасность быть пойманной за переписыванием, пихаю телефон обратно в карман.

Уже спустя минуту раздаётся шум, состоящий из голосов, и я встаю, хватая свой заполненный тест. В кабинет как раз входит мистер Уоттерс.

– Вы уже закончили? – интересуется он.

– Да. Вот моя работа.

Я уверенно протягиваю ему лист, изнутри волнующаяся и стыдящаяся своих мошеннических действий, и он, лишь поверхностно оглядев его, одобрительно кивает и даёт разрешение выйти.

Улыбаюсь, пока иду по коридору, наверняка выглядя со стороны как полная дура. Даже не могу понять, чему именно я так радуюсь: помощи анонимного номера или тому, что я наконец избавилась от своего долга в виде пропущенного экзамена?

Не знаю, не могу сказать.

И по дороге в столовую, в которой за нашим столом уже сидят мои очаровательные подруги, я больше ни о чём особо не думаю.

Глава 4

День близится к ночи, а мама суетится на кухне. Её окружает множество кухарок с предложениями помочь, ведь это их работа, однако она отказывает им, утверждая, что хочет приготовить сегодняшний ужин самостоятельно.

Я тем временем устало подхожу к раковине, слишком громко дышу и набираю воды в бутылку, а Трэвис, шагающий позади меня, здоровается с моей матерью, хотя они уже виделись сегодня.

– Как прошла тренировка? – улыбается мама, нарезаая тонкими ломтиками томаты. Её движения плавные и женственные.

– Ваша дочь делает невероятные успехи, – улыбается ей в ответ Трэвис, и при этом на его висках появляются морщины, которые дают отдалённую подсказку о его настоящем возрасте. – Такими темпами ей можно и податься в профессиональный спорт.

– О, нет. Подобное точно не для моей дочери.

Да. Именно так считает моя мама.

Меня растят как *«девочку»*, которая *«любит розовый цвет и всё самое милое»*. Я до сих пор удивляюсь тому факту, что мне вообще позволили заниматься спортом, а не отдали в какую-нибудь балетную школу.

Трэвис Данн – мой личный тренер, – смотрит на меня с долей сочувствия и при этом умудряется дать мне понять, что он совсем не согласен с высказыванием моей матери. Я в ответ благодарно ему киваю.

– Что ж, миссис Норвуд, был рад провести очередное занятие. – Он накидывает на себя спортивную куртку, проводит рукой по щетине, машет мне рукой как ребёнку. – До следующей тренировки, Лина. А до тех пор не забывай..?

– Пить как можно больше воды. Я помню, тренер, – усмехаюсь я.

Он даёт мне «пять» и уходит.

Я щупаю свой пресс, кладя бутылку на стол.

– У меня уже почти нет и капли жира на животе, – громко говорю я радостно. – Представь, мам. У меня пресс стал крепче.

– Что в этом хорошего, Каталина? – без особых эмоций произносит она в ответ, продолжая готовку.

На кухне уже никого нет.

– То, что я начинаю выглядеть, как настоящая спортсменка, – гордо заявляю я.

– Вернее, как парень?

– Ну мам!

Она, наверное, и впрямь была бы не против записать меня в танцовщицы какого-нибудь балетного театра. И моё мнение, конечно же, не учитывалось бы.

На самом деле телосложение у меня, как это принято называть в народе – хрупкое. Ростом в сто шестьдесят семь я всё равно выгляжу миниатюрной и весьма миловидной, пока не подниму кофту, скрывающую уже показывающиеся кубики на животе, и не напрягу мышцы рук. А так я вполне себе обычная на вид девочка. Грустно осознавать, что маму всё равно многое во мне не устраивает, даже несмотря на то, что я стараюсь.

Ношу платья нежных цветов – в угоду мамы.

Учу то, что мне неинтересно, и получаю хорошие баллы – в угоду мамы.

Делаю себе аккуратные причёски, тратя на это по несколько часов в день – в угоду мамы.

И лишь тренировками с Трэвисом я занимаюсь в угоду *себе*, а она недовольна.

За окном идёт лёгкий дождь, наводящий некую меланхолию, и я подхожу к нему, чтобы выглянуть на улицу. Открываю форточку и чувствую запах свежести. Так пахнет мокрый асфальт у нас во дворе, посаженные растения, цветы, украшающие фасад дома, и крыша, по которой стекают капли. Вижу, как во двор заезжает белая машина. Едва удерживаюсь от того, чтобы не захлопать в ладоши от восторга.

– Они уже приехали! – произношу я. – Пойду встречать, – и выхожу из кухни.

Пока я добираюсь до прихожей, проходя мимо отливающей золотом гостиной, мимо других роскошных дверей, мимо лестницы, ведущей наверх, гости уже входят в дом. Слышу их голоса: мужской и женский. Джозеф приехал не один.

Я смотрюсь в зеркало, окидывая свой спортивный костюм взглядом. Из-за тренировки я не успела переодеться в платье, но, решив сперва поздороваться с гостями, выхожу в прихожую.

На пороге стоит пара горничных, открывших двери, а перед ними снимают с себя верхнюю одежду наши сегодняшние гости. Пользуюсь случаем, чтобы рассмотреть их повнимательней. Каррен как всегда выглядит очаровательно, а у её мужа, Джозефа, как всегда деловой и серьёзный вид. Я всегда удивлялась тому, как дяде удаётся так искусно притворяться кем-то хмурым, когда на самом деле он тот ещё весельчак.

– Лина!

При виде моего силуэта у дверей в гостиную, Каррен улыбается самой белоснежной улыбкой, которую мне когда-либо доводилось видеть.

– Я очень рада тебя видеть! – произносит она, уже проходя глубже в дом.

Я пытаюсь так же вежливо улыбнуться, и, надеюсь, у меня это получилось.

– Я тоже рада вас видеть, – говорю я, взглянув на подходящего к нам Джозефа. – Привет. Мужчина вдруг удивляется на моё скромное «привет» и с каплей возмущения произносит:

– Что с тобой, Лина Норвуд? Неужели ты не рада видеть своего дядю, который, между прочим, практически тебя вырастил, пока твои деловые до ужаса родители пропадали на работе? – Он тут же демонстративно распахивает руки для объятия.

Я не могу сдержать смех, который вылетает из рта, и подхожу к Джозефу, обнимаю его и осознаю, что действительно очень скучала по нему.

Если бы кто-то спросил у меня, как я отношусь к своему дяде, я бы с уверенностью ответила: «Он мой лучший друг», и это было бы чистой правдой.

– Прошу прощения, что не встретила вас лично. Готовила ужин, – вдруг раздаётся позади меня голос мамы.

Я отстраняюсь от Джозефа и оборачиваюсь.

Мама сняла уже фартук и теперь стоит перед нами в элегантном красном платье до колен. Её чёрные волосы падают на смугловатые плечи, губы покрыты помадой алого цвета, чуть подкрашены глаза, и я восхищённо раскрываю рот так, словно вижу маму впервые. Как ей удаётся каждый день удивлять меня своей красотой?

– Ничего страшного, Мэри, – улыбается Каррен.

Мама подходит к гостям и целует их в обе щеки, при этом успевая сыпать комплименты в их сторону. Пару минут они ещё интересуются новостями о жизнях друг друга, пока я стою в стороне, делая вид, что мне очень интересно, затем мама наконец приглашает всех войти.

Я успеваю заскочить в свою комнату и приодеться в платье цвета морской волны, а затем спускаюсь вниз, в столовую – в самое большое помещение у нас дома, не считая спортивного зала. Стол, изготовленный из дерева, стоит ровно посередине, обставленный различными вкусами моей мамы и восковыми свечами, которые пропитывают зал некой готической атмосферой, даже несмотря на огромное количество светлых оттенков. Горничные, что раскладывали салфетки, тут же скрываются, пожелав нам приятного ужина.

– Милая, усаживайся за стол, скорее, – произносит мама официальным тоном.

Подобных «аристократических» ужинов у нас дома проходит куча, будь это друзья мамы или отца, деловые партнёры, родственники... Никакой разницы. Практически со всеми родственники ведут себя стойко, непринуждённо, серьёзно. И это порой не даёт мне дышать спокойно. Хочется больше свободы как для действий, так и для разговоров. Мама всегда ограничивает меня в моём поведении, если дело касается ужина или обеда со взрослыми людьми. Мне не разрешается чавкать, набрасываться на еду, разговаривать на какие-то посторонние темы, слишком повышать голос... Да правил куча, и мне приходится их придерживаться.

– А где Джереми? Неужели он не встретит своего родного брата? – произносит Джозеф, уже сев за стол и успев глотнуть красного вина из бокала из дорогого сервиза мамы.

– Он задерживается на работе, но обещал приехать с минуты на минуту, – отвечает мама.

Дядя лишь слабо кивает в ответ, опустив взгляд на свою тарелку, на которой лежит огромный поджаристый стейк.

– Как твои дела, Мэри? – начинает беседу Каррен. – Что нового?

Я тут же готовлюсь к предстоящему нудному разговору практически ни о чём, но всем видом стараюсь показать, что я «взрослая» девушка, которой до безумия интересно проводить время не со сверстниками, а с друзьями и родственниками родителей. Частенько ощущаю себя самой настоящей принцессой.

– ...Так что да. Но я думаю ещё повременить со свадьбой, – доносится до моих ушей разговор. – Для начала нужно подготовить всё. Хочется, чтобы у Кейт была незабываемая свадьба, ведь она этого заслуживает.

– Каждая дочь заслуживает идеальной свадьбы. – После своих слов мама с улыбкой смотрит на меня, из-за чего я чуть не давлюсь соком, из которого осмелилась глотнуть именно сейчас.

Кажется, стадия «вечные намёки насчёт женихов, будущих детей и внуков» уже на подходе...

– Подождите... – произношу я, затем удивлённо спрашиваю: – А Кейт что, выходит замуж?

Все трое смотрят на меня как на недоразумение.

– Детка, ты нас вообще не слушала? – В голосе мамы словно чувствуется разочарование, и мне становится стыдно. – Кейтлин через несколько месяцев выходит замуж, так как на днях её молодой человек сделал ей предложение.

– А я помню, когда нам было по десять лет, мы клялись друг другу, что никогда не выйдем замуж, – бурчу я себе под нос, изобразив обиженную рожицу. – И что все мальчики – гадость.

Каррен смеётся, равно как и мама. Джозеф лишь слабо улыбается, продолжая резать своё мясо.

– Лина, не всё в наших жизнях идёт по нашему плану, – отвечает Каррен, заставив меня призадуматься. – Иногда случаются большие неожиданности. И встречи, к которым мы не были готовы.

Кейтлин Норвуд – дочь Джозефа и Каррен, моя кузина, с которой мы часто виделись в детстве. Она приезжала в гости вместе с Джозефом, и пока дядя с моим отцом обсуждали свои дела, мы бегали во дворе тогдашнего нашего дома и кричали, что все мальчишки ужасны и что мы никогда с ними не свяжемся. Я также отлично помню нашу клятву никогда не выходить замуж и, видимо, это и отложилось у меня в мозгу, каждый раз всплывая сразу после того, как со мной заговорит парень.

Мои размышления нарушает громкий звук захлопнувшейся двери. Я слышу голос отца ещё с порога, и на лице мгновенно появляется улыбка. Я так скучала по нему! Он – запыхавшийся и уставший – входит в столовую, на ходу подавая своё серое пальто горничной, которая, взяв верхнюю одежду папы, тут же покидает зал.

– Прошу прощения за моё опоздание, – говорит он, подходя к столу. – Рад тебя видеть, Джозеф. – Отец быстро пожимает руку брату, затем обходит его, слабо касается губами щеки гостя, произнося: – Каррен, прекрасно выглядишь. – И как только он садится за стол рядом с мамой, нежно чмокает её в губы, с любовью поприветствовав: – И тебя, милая, я очень рад видеть.

Мама смущённо улыбается, как девочка-подросток, которой только что признался в любви нравившийся ей мальчик.

– Ты когда-нибудь перестанешь опаздывать, Джереми? – с притворным недовольством произносит она.

– Я не мог отложить очень важную встречу, извини, – отвечает папа.

– Что за встреча? – Джозеф делает глоток из вина, устремив взгляд на своего брата.

Отец отвечает, но я уже его не слышу. Вновь поднимаюсь куда-то на небеса, вновь теряюсь в пространстве, отдавшись глупым мыслям, лишь бы не слышать всю ту чушь, которую обсуждают взрослые. Скучно. Слишком скучно. И почему я должна торчать здесь? Почему Дилан съехал от родителей, а меня не пускают? Где-то в глубине души чувствую, что виною всему является моя безответственность и детское поведение. Отчасти я понимаю, что и дня не продержусь, живя без родителей, но просто не хочу это принимать.

А потом всё-таки побеждают мысли о том, что я для родителей ещё маленькая девочка, которую они стремятся оберегать. Вот и вся причина их нежелания отпускать меня куда-то одну.

– Дочка, почему бы тебе не пойти к себе? – вдруг вытаскивает меня из моих раздумий голос папы, заставив меня тут же посмотреть на него.

Немного округляю глаза, поворачиваю голову в сторону мамы, которая удивлена не меньше меня.

– Джереми, а как же ужин? – с лёгким возмущением интересуется она.

– Брось, Мэри! Я вижу, как она еле держится, чтобы не уснуть. Перестань давить на нашу дочь. Она ещё слишком молода для подобных разговоров.

Искра надежды, я уверена, сверкнула в моих глазах, и мне даже показалось, что она осветила всё вокруг меня.

– Пап, ты серьёзно? – Голос мой звучит неуверенно, ведь одна моя часть не верит всему происходящему.

– Да. – Папа одобрительно кивает.

Я вновь смотрю на маму как на окончательный ответ, словно на президента, который с минуты на минуту выдвинет важное решение, которое изменит жизнь всей страны. Вижу на её лице лишь согласие с отцом, ведь перечить ему она никогда не станет. Джереми Норвуд – глава нашей семьи, как и положено традиционным семьям, и никто ему не указ.

– Спасибо, пап! – Пытаюсь визжать не слишком громко, ведь правила приличия на меня всё ещё действуют. Встав из-за стола, я кланяюсь нашим гостям, будто принцесса. – Прошу прощения. Ещё увидимся.

Выхожу из столовой, свободной грудью выдыхаю воздух, который застрял в лёгких. Напряжение спадает со всего тела, и я бегу в свою комнату. Открываю дверь, вижу горничную, что моет мой пол, с наушниками в ушах.

– Ты можешь идти, – говорю я.

И получаю в ответ одно молчание. До меня доходит музыка с её наушников, и я понимаю, что громкость слишком высокая, чтобы девушка меня услышала. А ещё слышу, как она подпевает. Я подхожу к ней и тычу пальцем в спину. Она тут же вздрагивает и оборачивается ко мне, вынув один наушник из левого уха.

– Простите меня! – Девушка заметно нервничает, виновато опуская взгляд в пол. – Я вас не услышала... Извините.

Она выглядит как моя сверстница, и меня это сильно удивляет. Молодых горничных у нас никогда не бывает. Обычно мама нанимает на работу только зрелых женщин, считая их более опытными. Ведь молоденькие девушки, по её мнению, часто будут летать в облаках и не выполнять своих обязанностей как следует.

– Ты хорошо поёшь, – произношу я, стараясь таким образом как-то сгладить обстановку и снять с её плеч этот груз вины.

Она удивлённо смотрит на меня, и я вижу, как ей действительно становится лучше.

– Правда? – Она словно и забывает об извинениях, которые сыпались на меня минуту назад. – Спасибо! Давняя мечта – попробовать себя в роли певицы.

– Хорошая мечта, – отвечаю я, улыбаясь ей. – Кстати, ты первая горничная, с которой я заговорила... Ну, в смысле, непринуждённый разговор, а не просто «Я протёрла пыль в вашей комнате, мисс Норвуд... О, спасибо. Можешь идти» и всё в подобном духе. Это меня раздражает.

Девушка хихикает, затем снимает свою жёлтую перчатку для уборки и протягивает свою руку, произнося:

– Я Моника, кстати. Ты не похожа на ту, что меня уволит или на какую-то злую тётку, поэтому, если ты не возражаешь, я сразу начну неформально.

Протягиваю руку в ответ:

– И правильно делаешь... Моё имя ты и так знаешь, наверное?

– Ага. Каталина.

– Можешь звать меня просто Линой.

– Как скажешь.

Я хочу поинтересоваться у своей новой знакомой, сколько времени она уже у нас работает, но не успеваю, так как мой телефон вдруг завибрировал у меня в кармане.

– Секундочку, – говорю я, доставая смартфон. Смотрю на экран, вижу фото улыбающейся Ирэн и надпись «Рэни» под ней. А чуть ниже кнопки «принять» и «отказать». – Ещё увидимся, Моника. Мне звонит подруга, я должна идти. Была рада познакомиться.

– Взаимно, – весело говорит девушка и машет рукой: – Пока!

Я выхожу из комнаты и вновь спускаюсь вниз. До меня еле доносятся голоса родителей и наших сегодняшних гостей из столовой, и я бегу быстрее, чтобы, не дай бог, не попасться маме на глаза, а то она может и передумать насчёт моей свободы. Вхожу в гостиную, где включён телевизор, закрываю дверь и радуюсь, что горничных здесь нет. Наконец могу принять видеозвонов от подруги и плюхнуться на кожаный диван.

– Думала, ты никогда не возьмёшь трубку... – закатывает глаза Ирэн на экране моего телефона.

Я смеюсь и отвечаю:

– Искала укромный уголок, прости.

– Не важно... Угадай, где я сейчас.

– Ну... – Я приближаю телефон к своему лицу и внимательно разглядываю задний фон подруги. Отчётливо вижу мерцающий разноцветный свет и слышу музыку. – Ты где-то на вечеринке? Вновь очередная тусовка, на которую тебя, естественно, пригласили?

– Да! И не «где-то», а дома у Дилана.

Прозвучавшее имя брата, на которого я всё ещё сердита, обжигает мне барабанные перепонки.

– Круто... Я тут страдаю, сижу, выслушивая глупые разговоры взрослых на скучном ужине, а вы там на вечеринках разгуливаете... Ну здорово!

Ирэн смеётся, не скрывая того, что моя ситуация ей действительно кажется смешной.

– Так я тебе поэтому и звоню... – Глаза подруги хитро прищурились. – Давай, поднимай свою красивую задницу и натяни на неё что-нибудь модное. Дилан уже едет за тобой.

Мои глаза тут же приобретают размеры двух спелых арбузов, а рот раскрывается, как дверь в доме, где отовсюду дует сквозняк.

– Ты с ума сошла? Нет... *Вы* с ума сошли?! Да мои родители ни за что не пустят меня на подобные вечеринки! Ты же знаешь их отношение к подобному.

– Дилану же они разрешали, разве нет?

– Ему ничего не указ. Да и тем более он теперь живёт отдельно и не нуждается в разрешении родителей... А я? Нет уж. Мама точно этого не допустит.

– Всё будет хорошо, детка, – подмигивает Ирэн. – Всё под контролем.

– Но ты...

– Всё! Ничего не желаю слышать! Ты попадёшь на нашу тусовку, я тебе это обещаю. Жди Дилана, а дальше всё пойдёт по нашему с ним плану. А ты, главное, оденься.

Мне ничего не остаётся как просто молчать и сидеть на диване, уставившись взглядом в экран телевизора, по которому вновь показывают всякое дерьмо. Сидеть и ждать прихода брата, хоть я и не особо уверена, что что-то из этого выйдет.

Глава 5

Дилан подъезжает настолько скоро, что я даже не успела морально подготовиться к этому. Не знаю, что меня ожидает и какой план подготовили эти двое, но я почему-то уверена, что всё провалится к чёрту.

Я открываю входную дверь и вижу перед собой брата. Он как и всегда выглядит потрясающе: эти чёрные мамины волосы, которые очень красиво сочетаются с белизной его кожи, эти выразительные серые глаза, которые достались ему от папы. Дилан словно сошёл с обложки какого-нибудь журнала: слишком он идеален.

– Ты быстрее, чем обычно, – тут же с порога произношу я.

– И тебе привет, любимая сестрёнка, – язвительно замечает он и, разглядев мой внешний вид, удивлённо добавляет: – О тебе я могу сказать тоже самое.

– Я уже была в этом платье. К нам приехали Джозеф с женой.

Дилан скривился:

– Ох, как же мне повезло, что я не застаю эту чокнутую женщину.

– Что? Каррен замечательная, вообще-то.

– Она мне не нравится.

– А мне не нравится Франческа, и что с того?

Брат при упоминании имени его любимой невесты тут же закатывает глаза в раздражении, быстро затыкая меня:

– Только не начинай вновь, прошу. Я пришёл не для того, чтобы ссориться.

– Тогда давай. Я слушаю. Какой у вас план?

– Выходи, и идём вместе к машине.

У меня глаза на лоб лезут от такого заявления.

– Ты серьёзно? Это и есть ваш план?

– Да, – кивает Дилан, и его лицо даже не дрогнуло. – Возьми свой плащ, и пойдём.

– Но а как же родители? Они же убьют меня, если я уйду куда-то, не предупредив их.

– Не убьют. По идее они вообще не заметят твоего отсутствия, ведь сейчас они слишком заняты ужином, который продлится бесконечность. А если всё же спохватятся, не волнуйся, я возьму это на себя. Скажу, что решил прогуляться с тобой в парке.

– Посреди ночи?

– Почему бы и нет?

Я вздыхаю, сдавшись, тут же подхожу к вешалкам и снимаю с одного из крючков своё бежевое пальто. Накидываю на плечи и в готовности смотрю на брата, глазами как бы говоря, что мы можем идти. Он лишь слабо кивает мне и движется к выходу, а я следую за ним. Входную дверь Дилан закрывает за нами очень осторожно, стараясь вообще не издавать ни одного звука, и нам удаётся выйти из дома максимально бесшумно. Охранник тут же желает нам хорошей прогулки, и мы благодарим его, как того требует наше совместное воспитание.

– Как там твой дом без хозяина? Не боишься, что они там всё разнесут? – интересуюсь я, садясь на переднее кожаное кресло автомобиля.

– Нет. – Дилан открывает дверцу, усаживается за водительское место, заводит машину с помощью своего ключа. – Ирэн обещала за всем присмотреть.

– Раз уж ты так доверяешь ей, может, на ней и женишься вместо Франчески? – с глупыми надеждами пристаю к брату я, уже готовясь к тому, что он меня пошлёт в очередной раз.

Дилан лишь выругался себе под нос, и мы двинулись с места.

Автомобиль едет бесшумно, и единственным звуком в салоне является тихая музыка, доносящаяся из радио. За окном прохладно, и Дилан включает подогрев кресел.

– А в честь чего ты устроил вечеринку? И в честь чего ты вдруг пригласил меня?

Брат лишь на секунду отвлекается от дороги и смотрит на меня.

– В честь будущей свадьбы, – коротко отвечает он, и мои догадки подтверждаются. – Что-то вроде последней холостяцкой вечеринки. А тебя я пригласил по просьбе Ирэн.

– То есть, ты не собирався приглашать меня, да? – В моём голосе ясно звучит обида.

– Нет, не собирався. И не потому что я забыл о тебе или ещё что-то в подобном духе. А потому что не хотел, чтобы ты вновь расстроилась или, того хуже, устроила сцены. Надеюсь, ты будешь молчать в тряпочку?

– Я очень постараюсь, – зло бросаю я и отворачиваюсь к окну.

Столько проблем из-за этой проклятушей Франчески! Даже не представляю, насколько увеличится их число уже *после* свадьбы.

Салон погрузился в тишину, но ненадолго.

– Слушай, Лина... – Голос Дилана становится поразительно мягким, он начинает нежно обращаться ко мне, словно не хочет задеть ещё чем-то. – Ты ведь совсем её не знаешь.

Я поворачиваюсь к нему лицом и смотрю в его серые глаза.

– Почему ты так думаешь? Я отлично знаю её. Она недолюбливает меня! Скажу более того, она меня ненавидит!

– Ты не можешь этого утверждать, не зная её настолько же хорошо, как я. Просто брось это из головы. Главное, что она *любит* меня. Что я её люблю. Мне действительно не нравится видеть твоё недовольство.

– Я ей не доверяю. Я чувствую, что она с тобой ради наших денег. Ради папиных денег. В универе все говорят только о том, что её родители находятся на грани банкротства. Может, так она решила исправить всю ситуацию и помочь родителям с финансами? Неужели ты об этом не задумывался?

– Перед тем, как пригласить её на свидание, я часто выдумывал многое. К примеру, то, что не общаюсь с предками. Будто бы я поссорился с ними из-за того, что они не дают мне денег. – Дилан усмехается. – Я проверял её. Думаешь, я сам не знаю о существовании девушек, заводящих отношения с богатыми парнями, только для того, чтобы угрохать денег? Я ожидал, что мои рассказы оттолкнут Франческу и ждал, когда же она уйдёт... Но она не ушла. Ты не представляешь, какой она интересный человек. То, какой ты её видишь, это не она настоящая. Это фальшивая Франческа. Такой она просто показывает себя, чтобы её уважали. Чтобы её обходили стороной... Мне так хорошо с ней. Так хорошо, что я практически теряюсь в пространстве, или как там пишут в книжках... Иногда я думаю: может, это всё только мой сон, и однажды всё исчезнет, понимаешь? Когда-то ты тоже поймёшь, каково это – влюбиться до желания всё ради этого человека делать.

Его рассказ оставляет у меня на сердце какое-то противоречивое чувство. Его глаза, кажется, засветились ещё ярче, чем прежде. Он не отворачивается от дороги, смотрит вперёд, держа руль, но я чувствую его мысли. Чувствую его надежды услышать от меня наконец те самые одобрительные слова. И я чувствую, что я должна что-то сказать.

Конечно же, я совру.

– Дилан, я... – Пытаюсь найти более подходящие слова. – Это действительно очаровательно всё звучит... Прямо как в любовных мелодрамах, которые показывают по телеку... Но я не стану обещать тебе чего-то. Просто скажу, что постараюсь принять эту твою Франческу.

Он смотрит на меня с удивлением, встречается взглядом с моими глазами, с помощью которых я хочу показать ему, что я якобы очень хочу наладить наши отношения с его невестой. Затем на губах брата появляется лёгкая улыбка.

– Тебе и не надо закидывать меня обещаниями. Твои старания принять её *уже* многое для меня сделают. – Он вновь смотрит вперёд, на дорогу. – Мне нравится, что ты волнуешься за меня. Это очень... мило?

Улыбаюсь сказанному братом и не могу сдержаться от длинного: «О-о-о-о-о».

– Ты волнуешься за меня, я волнуюсь за тебя – всё честно, – пожимаю плечами я. – Я хорошо помню, как ты контролировал меня в детстве... А помнишь, как ты вечно следил за мной, когда я возвращалась из школы, потому что думал, что я гуляю с мальчиками? Мне тогда было лет восемь, если не ошибаюсь.

Дилан смеётся от приятных воспоминаний и вносит свой вклад:

– Или, например, вон та история, когда я однажды увидел, как ты смотришь какую-то мелодраму. Я закрывал тебе глаза каждый раз, когда начиналась сцена с поцелуями.

Я смеюсь вместе с братом, а в сердце разливается приятное такое тепло, что настроение тут же подскакивает запредельно высоко. Я осознаю, насколько сильно скучаю по временам, когда мы с Диланом были по-настоящему близки. Когда мы доверяли друг другу самые потаённые секреты, которые не могли открыть никому другому. Я очень скучаю по тем дням, но вернуть их никак не могу. От этого сердце, секунды назад трепетавшее от приятных воспоминаний, вдруг резко закололо.

– Я обещаю, я буду всегда рядом. Даже после женитьбы.

Я смотрю в серые глаза брата, вижу в них искренность, успокаиваюсь. Боль в груди отступает, расслабляется лицо.

– Спасибо, – одними губами отвечаю я.

* * *

Дом Дилана, который, в отличие от дома моих родителей, находится в том же Сиэтле и не отличается своими невероятными габаритами, полон гостей. Танцы, музыка, веселье у бассейна... Типичная американская вечеринка американского студента, у которого есть столько друзей, что времени не хватит их всех сосчитать.

– Дилан, дружище!

В нос бьётся резкий дым от сигарет, и я морщусь от неприятного запаха. Вижу перед собой пьяного парня, что еле передвигается на ногах, и мне прямо кажется, он вот-вот упадёт.

– Твоя вторая подружка? – Его пьяные глаза еле-еле фокусируются на мне, и я не вижу в этом взгляде ничего хорошего. – Устроил себе классный тусич, ах ты сукин сын? Не волнуйся, Франческе не скажу ни слова.

– Это моя сестра, – кидает Дилан, а в голосе его чувствуется насмешка.

– Правда? – Парень, закусив губу, разглядывает меня с головы до ног, словно дорогой товар на витрине солидного магазина. – Не хочешь одолжить мне свою сестрёнку? С такой я не прочь затусить. Клянусь, не обижу её.

Во мне вдруг зажигается желание дать этому пьяному ублюдку по роже, использовать, так сказать, приёмчик, которому меня на прошлых выходных научил Трэвис, но я всё оставляю на Дилана, который точно сейчас что-то предпримет. Я уже вижу, в какую злость он успевает прийти. Затем Дилан наклоняется к парню, чтобы громко и чётко сказать:

– Хоть пальцем её тронешь, я твой палец засуну тебе же в задницу так, что ни один врач не поможет его оттуда достать.

Пьяный парень смеётся, кивает, кидая: «Понял», и без малейших слов просто уходит, так же еле удерживая равновесие. Я расслабленно выдыхаю.

– Если к тебе подойдёт кто-то вроде этого чувака, можешь сразу слать его нахер и сказать, что твой брат закопает его на крыльце его же дома.

– О'кей, поняла.

Он берёт меня за руку, и мы идём вперёд. Отталкивать танцующих людей, оказывается, сложнее, чем я думала. А этот воздух, пропитанный запахом потных тел и алкоголя впер-

мешку с дымом из дорогих сигарет, заставляет мою голову кружиться, из-за чего я лишь крепче хватаюсь за руку брата.

Прежде я не бывала на вечеринках вроде этой – мне доводилось сидеть лишь на скучных мероприятиях, устраиваемых моими предками, семейных посиделках или праздниках вроде Хэллоуина, Рождества, Дня Благодарения и так далее. Молодёжная вечеринка с алкоголем – не то место, куда мои родители могут со спокойной душой меня отправить.

Пару минут мы поднимаемся на второй этаж, по дороге расспрашивая проходящих мимо ребят о местонахождении Ирэн, и когда добираемся до гостиной, наконец встречаем её.

Она сидит, закинув одну ногу на другую, в короткой чёрной юбке и белом топе, скрывающем её роскошную грудь. Она держит в руке леденец, моментами посасывает его, при этом глазами уставившись в экран своего телефона. Одежда, которую Ирэн предпочитает носить, нечто совершенно отличное от моей. Она умеет выглядеть сексуально и не боится этого, тогда как я всегда ношу что-то более женственное и нежное, вроде всех своих платьев, напоминая своим видом диснеевскую принцессу.

– Рэни, – произносит Дилан, подойдя к девушке вплотную, – принимай свою подругу.

Ирэн радостно встаёт, заметив меня, и крепко обнимает. От неё веет приятным ароматом новых дорогих духов, которые она купила совсем недавно.

Я сажусь на диван.

– Я уже думала, вы никогда не приедете, – говорит она, отстранившись. – Спасибо, Дилан.

– Если что, я внизу. Нужно будет что-то – зовите, – предупреждает брат, затем смотрит именно на меня, произнося: – В большинстве своём это касается тебя, Лина.

– Хорошо, я поняла. – Еле сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

– Удачно провести время, девчонки.

Он уходит, оставив меня вместе с Ирэн, которая расслабленно ложится на диван, закинув ноги на мои колени.

– Как хорошо, что ты пришла. – Девушка лениво потягивается. – Неимоверно скучно сидеть здесь одной.

– А где Вэнди?

– У нашего драгоценного дяди сегодня свадьба, она не смогла сбежать. Кто-то из нас двоих должен был быть там, а так как Вэнди обожает людей и общение, выбор пал на неё.

Я издаю раздражённый стон:

– Да что за совпадения? В последнее время меня окружают одни лишь свадьбы. То Дилан, то моя кузина, то теперь и ваш дядя!

Ирэн смеётся, а затем хитро косится на меня, выдвигая свои глупые предположения:

– Это знаки Вселенной. Тебе пора найти себе избранника.

Я закатываю глаза так, что они чуть не уходят назад. Ещё чуть-чуть, и я смогла бы увидеть свой мозг, или что там находится, за глазами.

– Я не верю ни в какую «Вселенную» и знакам, которые она подаёт.

– Лина, не меняй тему! У тебя ужасно выходит!

– А ты не начинай эту тему тогда.

– Ты даже не представляешь, как классно иметь бойфренда. Гулять с ним, проводить время... Как он ласково называет тебя любовью всей своей жизни... И как произносит «Я люблю тебя»... Ах, это непередаваемое чувство!

Её глаза вновь заблестели, на губах широченная улыбка, практически до ушей. А я в свою очередь удивлённо поднимаю брови. У Ирэн было так много парней, что я ни за что не смогу вспомнить их всех, но она никогда ещё не вела себя так, как сейчас.

– Вы со Скоттом уже дошли до такой стадии? – интересуюсь я. – Раньше ты так не говорила.

– Потому что другие были не такими как Скотт! Мы смотрели с ним фильм, и он столько мне слов наговорил за эти полтора часа... Но вот что он умеет лучше всего – он очуменно трахается!

Едва не поперхнувшись воздухом, стараюсь забыть об услышанном. Узнаю привычную Ирэн...

– Я за тебя рада, – произношу я, в мыслях надеясь на то, что этот Скотт действительно станет её единственным, хоть я и сомневаюсь в этом.

Я встаю, подхожу к окну и смотрю на то, как снаружи веселятся подростки. Многие из них бросаются в бассейн, крича, некоторые танцуют, а другие безотрывно пьют. Дилана не видно, но я очень хочу, чтобы он пришёл и отвёз меня обратно домой. Наверное, я просто зануда, ведь мне совсем не понравилось то, что я увидела на первой в своей жизни вечеринке. Я чувствую себя грязной. Меня здесь не должно быть...

Неожиданно дверь открывается, и в комнату входит несколько пьяных парней и девушек. Кто-то держит в руке бутылку с алкоголем, кто-то смеётся. Я сперва решаю, что они просто ошиблись дверью, ведь это комната Дилана, в которой никому не позволено находиться без его разрешения, однако Ирэн встаёт и, поправляя свою юбку, весело приветствует нагрянувших гостей:

– Ребята, вот и вы! Садитесь быстрее!

– Привет, девочки! – весело пищит пьяная блондинка, которую я вижу впервые.

Я подхожу к подруге и тихо спрашиваю в ухо:

– Что происходит?

– Ничего такого. Просто мы с ребятами поиграем в «Я никогда не».

Я точно не собираюсь ни во что играть, и для меня весьма неожиданно слышать нечто подобное. Но ещё удивительней становится ситуация, когда Ирэн, заметив, что я хочу уйти, хватает меня за руку и почти жалобно скулит:

– Ну давай, Лина. Немного поиграем, и я оставлю тебя в покое. Пожалуйста!

– Рэни, я не хочу ни во что играть. Я хотела...

– Да чего ты так напрягаешься, Норвуд? – доносится до меня голос одного из друзей Франчески – Маркуса Лоу, известного во всём универе как самый доставучий придурок. – Тебе просто слабо, да? Боишься, что твои какие-то там тёмные тайны узнают? А, забыл! Ты же святоша!

Мне хочется врезать ему стулом, стоящим совсем рядом со мной, но я просто делаю глубокий вздох, чтобы хоть как-то успокоиться.

– Хорошо! – громко произношу я, угрожающе уставившись на Ирэн. – Только пару минут, и я уйду. И ты оставишь меня в покое.

– Договорились.

Две девушки в облегающих юбках, весело хлопая в ладоши, плюхаются на диван, и трое парней, которые явно перестарались с выпитым сегодня алкоголем (в том числе и Маркус) устраиваются рядом с ними. Мне же удаётся сесть на кресло и помолиться, чтобы игра прошла за мгновение.

– Лина, знакомься, это Вайолет и её парень Нолан, а это Линдси и Диего. Ну, с Маркусом ты и так знакома.

Я лишь пытаюсь сделать вид, что мне действительно интересно познакомиться со всеми этими людьми, хотя в душе абсолютно на них плевать, и затем Ирэн наконец начинает объяснение правил, которые известны всем, кроме меня.

– Правила очень просты, – говорит она, демонстрируя свои руки. – Кладёшь ладони так, чтобы все десять пальцев были видны. Начинаящий игру говорит то, чего он не делал. К примеру, «Я никогда не убивала человека». Если среди нас есть те, кто это делал, то он должен

загнуть один палец. Если же ты этого не делал, палец загибать не нужно. Затем водит следующий игрок. А выиграет тот, у кого остаётся больше не загнутых пальцев. Всё просто.

Эта игра кажется мне такой детской и безобидной, что я даже расслабляюсь и уже не желаю так сильно её окончания.

Мы кладём ладони на колени, и начать решает Ирэн:

– Начнём с чего-то малого... – Она задумывается на пару секунд, затем уверенно выдаёт: – Я никогда не портила чей-то отпуск.

Один палец загибает Маркус, чего можно было ожидать.

– Было дело, – произносит он. – Моя сестра собиралась провести бурную ночь со своим парнем, когда мы были на Кипре, а я нагрязнул в самый жаркий момент.

– Отвратительно, – корчит гримасу Вайолет.

– Твою мать, чувак, – смеётся Диего. – Не хочу быть тобой.

– Да ладно. Чё в этом такого?.. – Маркус откидывается на спинку дивана и задумчиво чешет затылок. – Так, мой черёд?.. Я никогда не крал ничего из магазина.

– Было, и я этим не горжусь, – загибая палец, произносит Вайолет.

– Случайно не ты спёрла мои пятьдесят баксов, когда заходила вчера? – спрашивает Маркус.

Девушка шуточно бьёт его в плечо, на что парень лишь смеётся. Я смотрю на Линдси, очередь которой настанет сейчас, а она достаточно быстро произносит:

– Я никогда не целовалась с незнакомцем.

Ирэн загибает палец и выжидающе смотрит на Диего.

– Я знаю, что ты тоже этим занимался, – говорит она.

– Да чего ты сразу палишь меня? – недовольно бурчит парень и загибает палец.

– Ты, кстати, так и не взяла номера того красавчика, с которым у вас был тот жаркий поцелуй? – спрашивает Вайолет. – Признавайся.

Затем они несколько минут обсуждают парня, с которым Ирэн однажды поцеловалась, а она рассказывает, что теперь в этом нет необходимости, ведь теперь в её жизни есть Скотт. Слушая их, я снова ловлю себя на мысли, что мне ужасно хочется встать и уйти. В очередной раз я понимаю, что большие весёлые компании совсем не для меня.

Но внезапно дверь вновь распаивается: так сильно, что ручка бьётся о стену, заставив меня вздрогнуть. В комнату входят двое, и одного из этих людей я узнаю без труда.

Глава 6

Новенький теперь тоже здесь. На вечеринке моего брата.

В глубине души я предвидела что-то подобное, но не ожидала, что это действительно произойдёт.

Я поворачиваюсь к Ирэн и вопросительно смотрю на неё. Она удивительно спокойна и, кажется, именно она это и запланировала. Злюсь на неё как никогда прежде, но вновь поворачиваюсь к новенькому, который всё ещё стоит около двери рядом с незнакомой мне девушкой, одетой в такой вызывающий наряд, что одежда Ирэн показалась мне рядом с ней монашеской мантией.

– Ирэн, красотка моя ненаглядная, – заплетающимся языком проговаривает она и подходит к дивану. – Это здесь вы играете?

– Да, Марионн, и вы как раз вовремя.

У меня никак не получается отвести взгляда от парня, которого я совсем не ожидала увидеть в этом доме когда-либо. Но если вспомнить, что у Дилана так много друзей, которых я ни разу в своей жизни не видела, то удивляться не приходится. Может, новенький один из них.

Он проходит к дивану и садится на стул рядом со мной, и я пытаюсь сделать вид, что совсем не смущена его появлением. Марионн поворачивается ко мне и еле фокусирует свой взгляд.

– А это кто? – спрашивает она. – Впервые тебя вижу.

– Это Лина, моя подруга, – отвечает Ирэн.

– Милое платьице, – усмехается Марионн и усаживается прямо на колени Маркуса.

– Спасибо. – Поняв её саркастический тон, я натягиваю улыбку. – А на тебе очень милое нижнее бельё.

Диего, до этого выпивавший с горла бутылки пиво, поперхнулся и вылил всё на пол. Смех, который на этот раз звучит не в мою сторону, заставляет Марионн покраснеть, хотя она была красная и до моего ответа. Наверное, она просто слишком пьяна, и именно поэтому на меня не обрушился унижающий ответ, который я ожидала.

– Давайте не ссориться, девочки? – пытаюсь сгладить обстановку, произносит Вайолет. – Давайте продолжать. Нас стало больше, а значит игру можно уже сворачивать в сторону чего-то *более* интересного.

Мне совсем не нравятся её последние слова, но я стараюсь сделать вид, что готова продолжать игру.

Новенький, снова одетый во всё чёрное, вытаскивает руки из карманов своих брюк и выставляет перед собой. На этот раз я вижу его кольца гораздо ближе и даже пытаюсь угадать, есть ли какой-то смысл, заложенный в череп, чёрный камушек или необычные узоры на этих серебряных кольцах.

Отвлекая меня от моего занятия, Вайолет делает ход:

– Я никогда не спал с человеком, с которым познакомился в Интернете.

Пальцы загибают сразу трое: Ирэн, Линдси и Диего. И после столь интимного вопроса мне становится неловко, и я начинаю понимать, что чем дальше игра будет продвигаться, тем более откровенные вопросы будут задавать.

– Смотрите на этих невинных одуванчиков, – смеётся Диего, оглядев всех, кто не загнул палец. Его взгляд останавливается на моих руках, и он произносит: – Неужели ты реально ничего из всего, что мы называли, не делала?

– Нет, – резко отвечаю я.

– А ты что, не в курсе? – смеётся Маркус, хлебнув полбутылки. – Её предки абсолютно не приемлют подобного поведения. Норвуд у нас монашка.

Хочу ответить, но Линдси меня опережает:

– Я буду следующей!.. Я никогда не пробовала таракана.

– Как нехер делать, – загибая палец, выдаёт Диего. – Они, кстати, на вкус как яблоки.

– Даже спрашивать не буду, при каких обстоятельствах ты пробовал таракана, – произносит Ирэн, отпив немного пива с бутылки, которую хватает с рук Маркуса. – Лина, ты следующая.

Совсем не ожидав, что мне придётся делать ход, я растерянно хлопаю глазами. В голову не лезет ничего лучше, чем задать обычный вопрос:

– Я никогда не встречала знаменитость.

– Да ты с ними живёшь, – смеётся Ирэн. – Чем твои предки не знаменитости? Согни палец.

– А ты не встречала Гейтса? – интересуется Нолан, до этого сидевший молча. – Вы ведь по соседству практически живёте.

– Нет, не встречала.

– Я как-то сходил на концерт Ники Минаж, – загибая палец, отвечает Маркус, – и, признаться честно, чуваки, в жизни бампер у неё гораздо объёмнее, чем на фотках, клянусь!

Я стараюсь сделать вид, что сказанное им не заставило меня смутиться, воспользовавшись тем, что Ирэн прикрикнула, чтобы он заткнулся.

Как я вообще попала в эту компанию?

– Марионн, твой черёд, – произносит Вайолет, щёлкнув пальцами. – Ты же не собираешься сидеть в стороне и просто смотреть?

Марионн наконец привстаёт и поправляет свои волосы, которые постоянно лезут ей в лицо. Сетчатые колготки облегают её ноги чересчур сильно, делая их похожими на колбаски, учитывая её формы. И только эти мысли за сегодняшний день вдруг поднимают мне настроение.

– Так... О'кей, я знаю, что сказать... Я никогда не хотела трахнуть кого-то из сидящих здесь... Упс, получается, я тоже должна согнуть палец.

Она так и делает. И единственными, чьи пальцы остаются в прежнем положении, оказываемся мы с новеньким.

Я горю от обдавшего лицо жара, возникшего из-за произнесённых слов.

– Почти все тут кого-то хотели трахнуть? – смеётся Маркус. Потом смотрит на меня, оценивающе обводит взглядом мои ноги, частично прикрытые подолом платья, а потом пускает сальную шуточку: – Тебя бы я не прочь совсем.

Такого стыда и чувства унижения я, наверное, не испытывала ещё никогда в жизни. В ожидании помощи, которую я привыкла моментально получать от, к примеру, Дилана, если бы он тут сидел, я бросаю взгляд в сторону подружки, а потом и на новенького.

Он выглядит раздражённым. Лишь слегка, но я прямо чувствую вибрации в воздухе, исходящие от него.

– Довольно, парень, – говорит он спокойным, но серьёзным голосом.

– А что? – Маркус вскидывает руки. – Она такая прям невинная и чистенькая... Это чертовски возбуждает.

– Завались, придурок, – подаёт голос Нолан. – Реально, хватит.

Новенький сильно втягивает воздух через сжатые зубы, будто пытается сдержаться. А вот я хочу распасться на миллион частей, чтобы больше не существовать в этой комнате.

– Я пойду, наверное, – говорю я, резко встав с места.

– Лина, не обращай ты внимания, – начинает Ирэн, встав вместе со мной. – Маркус просто пьян и не думает, о чём говорит.

И ей не удалось бы меня уговорить, если бы вдруг новенький рядом со мной вдруг не сказал:

– Я проконтролирую.

– Что проконтролируешь? Чтобы никто меня не... – Мне хочется звучать грозно, но я так и не смогла произнести это ужасное слово на букву «т».

Новенький смотрит на меня снизу-вверх:

– Проконтролирую, чтобы никто ничего подобного больше не произнёс.

Бросив взгляд в сторону Маркуса, который вливает в себя ещё одну бутылку пива, я раздражённо выдыхаю. И соглашаюсь, сев обратно. А потом думаю, что мои родители поступили бы правильно, не одоблив того, что я нахожусь в такой отвратительной компании извращенцев.

– Продолжаем! Я никогда не отсасывал незнакомцу, – неожиданно говорит Нолан, лишний раз подчеркнув мои мысли насчёт их распущенности.

Настолько непривыкшая к подобным разговорам, я начинаю ёрзать на месте от неловкости и пытаюсь отсесть чуть дальше, словно это из *моих* уст прозвучало это неприличное слово, которое я воспринимаю как нечто запретное и всерьёз наказуемое.

– Серьёзно, чувак? – смеётся Маркус, смотря на то, как Нолан загибает палец.

– Если это спор, то я никогда не откажусь от своего задания, – спокойно отвечает он, и мне показалось, что он гордится этим своим поступком.

К счастью, на столе стоит стакан с водой, который я выпиваю и непроизвольно смотрю на новенького, который совсем не изменился в лице. Остальные же негромко смеются. Наверное, я тоже должна смеяться, но мне смешным сказанное Ноланом не показалось.

– Теперь ты, красавчик, – продолжает он, кинув взгляд в новенького и сделав глоток с горлышка бутылки.

Новенький почти сразу выдаёт:

– Я никогда не желал кому-то смерти.

– О, мрачно-то как-то, – громко бубнит Вайолет.

Маркус загибает палец, а за ним и Марионн. И вдруг и сам сказавший эти слова парень.

– Фу, как некрасиво! – морщится Ирэн. – Нельзя желать людям смерти, вы что, чокнулись?

– Иногда это получается неосознанно, – серьёзно говорит новенький. – По грязному вынуждению.

Я смотрю на него с диким интересом. Потому что хочу, наверное, понять, почему он может кому-то желать смерти, и что такого этот человек ему сделал.

В моей жизни подобного не случалось. Родители воспитали меня слишком мягкой и доброй, и в мыслях радоваться фантазиям о чьей-то смерти никогда не было. Даже с Франческой, а я её ненавижу.

– О, я совсем забыла! – Ирэн неожиданно подсказывает с места и как-то громко произносит: – Наше желание! Идёмте на улицу!

– Что? – спрашиваю я. – О чём ты?

– А ты внимания не обращай, – отмахивается она, помогая Марионн встать. – Тебя это не касается.

Мне хочется вновь злиться на неё, но атмосфера не даёт мне этого сделать. Я слишком для этого напряжена и растеряна одновременно.

Неожиданно комната начинает пустеть. Прощаясь со мной, выходят Вайолет, Диего, Нолан, Линдси, а за ними Маркус, Марионн и сама Ирэн, которая перед своим уходом вдруг подмигивает мне – самый ненавистный мною знак того, что она что-то задумала. Я вдруг начинаю догадываться, что новенького наверняка именно она сюда и позвала.

Поверить не могу в то, что она действительно так со мной поступает!

Комната Дилана погружается в такую тишину, что я слышу, как дрожат мои колени. Пытаюсь взять себя в руки, но новенький вдруг произносит:

– Я был впечатлён твоим ответом. Почему бы тебе не поставить на место Франческу точно так же, как и Марионн?

Я кусаю губу, затем извиняющимся взглядом смотрю в его глаза и произношу:

– Ты прости, что я так грубо обошлась с твоей девушкой. Я, правда, не хотела.

Он издаёт короткий смешок, прежде чем ответить:

– Но Марионн не моя девушка.

– А, – единственное, что у меня получается выговорить.

– Считаешь, что я могу обзавестись девушкой спустя день после того, как предлагал другой сходить на свидание?

Я замечаю, как были напряжены мои плечи и как пальцы схватились за край моего платья. Мне вдруг становится легче: наверное, потому что теперь на мне нет никакого грешка в виде подшучивания над его девчонкой.

– Такое может быть, – улыбаюсь я, чувствуя, как настроение потихоньку приходит в норму.

Парень всё молчит и смотрит на меня так, словно ожидает чего-то, отчего в воздухе чувствуется сильная и протяжная неловкость.

– Не молчи, – произносит он, и мне показалось, словно его голос отразился эхом по помещению. – Скажи хоть что-нибудь.

Он наклоняется вперёд, не отводя от меня своих глаз, а я сижу как дура, неспособная шевельнуться. Наверняка в его глазах я сейчас выгляжу полной идиоткой.

– Что мне сказать? – бурчу я.

– Знаешь, ты очень забавная.

– В каком смысле?

– В самом лучшем из смыслов. Ты всегда такая зажатая или только рядом со мной?

– Я не зажатая, – возмущаюсь я. – То, что я не задавала всяких похотливых вопросов в этой дурацкой игре, не значит, что я зажатая.

И хоть новенький не говорит в ответ ничего, а лицо его остаётся непроницаемым, мне почему-то кажется, что его забавляет моё поведение. Неловкость тем временем нарастает. Проклинаю себя за то, что не вышла отсюда вместе с Ирэн.

– Ты так нервничаешь, – произносит парень, откидываясь назад. – Не удалось сдать экзамен? Я вроде всё правильно заполнил.

Его слова выбивают меня из колеи. Я расширяю глаза, мысли разбрасываются по всей территории мозга. Опускаю голову, посмотрев на экран своего телефона, затем вновь возвращаю взгляд на парня.

Так вот в чём было дело.

– Это был ты?

– Да, – коротко отвечает он, наслаждаясь моей реакцией. – Я думал, это очевидно.

– Зачем ты помог мне?

– Друзья ведь помогают друг другу.

От его слов я издаю смешок, по-прежнему относясь ко всему этому весьма скептически.

– Тебе необязательно продолжать возиться со мной и дальше. Можешь уже признаться, что всё это было лишь развлечением, – говорю я.

Парень не выглядит удивлённым. На его лице я вообще не вижу каких-либо эмоций, что очень меня удивляет.

– Ты слишком не уверена в себе, – выдвигает он своё предположение, словно психолог на очередном сеансе.

– С чего ты это взял?

– Я просто вижу. – Я собираюсь сказать что-то в своё оправдание, однако новенький перебивает меня прежде, чем я успеваю что-то произнести: – Ты думаешь, что не можешь нравиться парням. Тебе даже сложно поверить в то, что я могу пригласить тебя на свидание... Твои родители сделали это с тобой?

Не знаю, понимает ли он, до какой степени его слова смутили меня. Почти до неприязни. А может и понимает и именно поэтому даёт мне время тишины.

Мне остаётся лишь молча сидеть, переваривая его слова и уставившись на него выпученными глазами и приоткрытым ртом.

Что значит «твои родители сделали это с тобой», хочется спросить мне, но я решаю промолчать. Потому что он в какой-то степени прав.

– Видимо, да, – довольно кивает он, так и не получив ответа.

– Как тебя зовут?

Я удивляюсь тому, что так нагло перебила его речь своим вопросом. А вот он по-прежнему не выявил какой-либо озадаченности.

– Тебе важно знать моё имя?

– Вообще да. У всех ведь должны быть имена. И ты, наверное, не исключение.

Новенький усмехается коротким: «Наверное» в ответ.

Я хочу уже переспросить его, но он вдруг встаёт с дивана, отчего пара прядей его каштановых волос падает ему на глаза. Сквозь них видно два ярких зелёных огонька, которые хранят в себе его глаза, а потом сверкает и серебро, когда он проводит пальцами, на которые по-прежнему надеты кольца, по волосам.

– Я вынужден тебя оставить, – объясняет он, – но ты подумай над своим отношением к себе.

Новенький подходит к двери и произносит:

– Научись уважать себя, и тогда тебе не придётся утопать в унижении к собственной личности.

Слова парня звучат как результат его упорного труда или какого-то горького опыта. Но я никогда не смогу поверить в то, что такой парень как он вообще мог когда-то быть неуверенным в себе. Его внешность, движения, мимика, тон голоса – всё говорит об обратном.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – спрашивает он. – Пиво? Текила?

– Я не пью. Спасибо.

– Не пьёшь в доме брата или вообще не пьёшь?

– Вообще не пью.

В голове мигом пролетает гордость мамы, а перед ним выстроившаяся фраза, которую она когда-то мне сказала: «Не подобает молодой девушке баловаться алкоголем». И я не горела желанием попробовать.

– Какая прелесть, – говорит парень, а губы его так и норовят сложиться в ухмылку.

Новенький берёт со стола красный пластиковый стаканчик и опустошает его. Когда он это делает, его рубашка слегка приподнимается, и я вижу часть его живота – плоского и состоящего из сплошных кубиков.

Сглатываю и вовремя отворачиваюсь, чтобы не попасть в очередную неловкую ситуацию.

– Сходишь со мной на свидание?

Такого вопроса я не ожидала. Это даже не вопрос, а сплошной повтор. Издевательство над собой же. Или он думает, что я успела передумать?

– Нет, – отвечаю я. – Ничего не изменилось.

– Тогда хотя бы друзья?

Медленно киваю, сперва неуверенная в своём ответе, а он кивает в ответ. При этом я думаю, как бы я повела себя, если бы мои родители не были Джереми и Мэри Норвудами. Если бы моё воспитание было совершенно другим. Сказала бы да? Пошла бы на свидание?

Отгоняю мысли прочь.

– Ещё увидимся, Каталина, – говорит новенький.

Выходит из комнаты, и я наконец пользуюсь появившейся привилегией дышать спокойно.

Бесконечно думаю, вспоминаю, не могу найти себе места.

И зачем из имени делать такой секрет?

Почему-то начинаю перебирать в своей голове возможные варианты. Джейк, Питер, Брайан... Может, Тим, Гарри, Уильям или Стив?

Встаю с дивана, выхожу в коридор, делаю это осторожно, чтобы убедиться в том, что он давно ушёл. Натыкаюсь на веселящихся парней и девушек. Никто из них не обращает на меня внимания, все заняты своей дозой алкоголя, поцелуями и бесконечными танцами под электронную музыку.

Протискиваюсь во двор, становлюсь частью немного иного мира: здесь более спокойно, чем внутри. Прохожу вдоль бассейна, пытаюсь не попасть под брызги, ложусь на один из лежаков. На столике рядом со мной стоят несколько нетронутых бутылочек с фантой, и я беру одну.

– Ах ты сука! – кричит кто-то весело, и оказывается, это один из дружков Дилана падает в бассейн с воплями, а остальные весело кричат и смеются.

Я даже вижу своих новых знакомых, неподалёку пускающих фейерверки.

Задний двор освещён лампочками, висящими над нашими головами и закреплёнными к деревьям по сторонам от бассейна. Смотрю на Ирэн, которая вновь разговаривает со Скоттом по телефону. До меня доносятся разные обрывки фраз вроде: «*Мой сладкий*» или «*Я так люблю тебя*», и я в который раз удивляюсь чему-то подобному со стороны своей «стервозной» подружки.

– Лина, иди к нам. – Дилан подходит ко мне, и в нос бьётся сильный запах алкоголя, тут же подсказывая мне, что брат уже достаточно много выпил. – Ты же любишь купаться в бассейне.

– Не хочу, – коротко отвечаю я.

– Почему?

– Просто не хочу.

Дилан наклоняется ко мне и смотрит в глаза. Вижу, как он в подозрении щурится, а затем спрашивает:

– Что случилось? Кто испортил тебе настроение?

В его голосе чувствуются строгость, возмущение, злость и нежность одновременно.

– Никто не портил мне настроение, – бурчу я. – Честно. Я просто не хочу купаться, вот и всё.

Брат хочет сказать что-то ещё, но его перебивает неожиданно подбежавшая к нам Франческа. Она пьяна, глаза слегка покраснели, движения не ровные, но ей без проблем удаётся выглядеть сногсшибательно даже при таком раскладе. Её золотистые волосы распущены, и небольшой локон с одной стороны закреплён при помощи чёрной невидимки с небольшим искусственным цветочком. А белое короткое платье с ромашковым принтом подчёркивает её модельную фигуру.

– Дилан, ну идё-ё-ё-м, – протягивает она, чмокая его в губы, и от такой картины прямо передо мной хочется поскорее убежать.

Я всё ещё не разобралась, как относиться к Франческе после рассказа Дилана. Но точно не восторгаюсь ей как мой братец, ослеплённый любовью. Что-то среднее между ненавистью и неприязнью, но уже в лёгкой форме.

Она не смотрит на меня, продолжая тянуть Дилана к себе, на что он поворачивается к ней и, ухмыляясь, спрашивает:

– Ты пьяна больше меня. Думаешь, справимся?

– Это нам не мешает, – отвечает она, закусив губу.

Округляю глаза, поняв суть их диалога, затем резко встаю с лежака, при этом чуть не свалившись в бассейн.

– О боже! – громко произношу я и быстро улепётываю оттуда, стараясь отойти на то расстояние, с которого ни Дилана, ни Франчески видно не будет.

Выхожу из дома во двор с другой стороны, где царствует полная тишина. Чувствую, как голова расслабляется, как расслабляется всё тело. Блаженство, никак иначе. Музыка всё ещё грохочет, но она уже не тревожит мои барабанные перепонки так сильно. Большое количество автомобилей, принадлежащих друзьям Дилана, стоят в округе, но людей совсем не видно.

Я вдыхаю свежий воздух, чувствуя, как каждая клеточка лёгких насыщается кислородом. Немного поворачиваю голову в сторону, рассматривая окружающие меня дома, как вдруг натякаюсь взглядом на тёмную фигуру, стоящую рядом с забором. Человек разговаривает по телефону, кажется, и мне понадобилась пара секунд рассмотреть его, чтобы понять, что это мой новый «незнакомый» знакомый. Я закатываю глаза, резко отворачиваясь. Не хочется сейчас с ним разговаривать. Вообще ни с кем не хочется разговаривать.

Так получается, что планируя лишь отойти в сторону, я подхожу к стоящему по близости байку и опираюсь на него. Продолжаю сидеть, делая вид, что совсем не замечаю парня. И уже только через минуту фигура начинает двигаться в мою сторону.

Чёрт! Нужно было спрятаться.

– Привет ещё раз, – произносит парень, оказавшись на достаточном расстоянии, чтобы я отчётливо его слышала. – Мы встретились вновь гораздо раньше, чем я ожидал.

Я лениво поворачиваюсь к нему и возмущённо говорю:

– Ты меня преследуешь? Мог бы и дальше разговаривать по телефону и не замечать меня. Я хотела побыть наедине.

Не стоит, наверное, мне проявлять грубость к нему, тем более после того, как он дико помог мне с экзаменом. Но Каталина «Уставшая» и «Раздражённая» – не самая приятная девушка, с которой можно встретиться.

– Я бы так и сделал, уверяю тебя, но... – Он смотрит на что-то позади меня и, ухмыльнувшись, выдаёт: – Ты просто сидишь на моём байке.

Резкий жар бьёт в лицо, и я быстро встаю, чувствуя, как от неловкости горит всё тело.

– Прости, – кидаю я.

Новенький выглядит так, словно перед ним стоит самый настоящий шут, исполняющий какой-нибудь ужасно нелепый танец. От этого мне становится труднее дышать.

Как только я отхожу в сторону, парень садится на сиденье и надевает шлем, до этой лежавший на заднем сиденье мотоцикла. Я в свою очередь детально рассматриваю красивый байк чёрного цвета, который, кажется, стоит не мало денег. Я совсем не разбираюсь в этом виде транспорта, но то, что я перед собой вижу, выглядит достаточно мощно.

– Хочешь прокатиться? – вдруг интересуется парень.

Кажется, он заметил этот искренний интерес в моих глазах.

– Нет, – оторвав взгляд от его мотоцикла, произношу я.

Выходит крайне неубедительно.

– Не к чему эта ложь, – отвечает новенький, издав смешок. – Ты *хочешь* этого.

Было бы глупо продолжать спорить, поэтому я просто замолкаю, что забавляет его ещё больше.

– Садись.

Я чувствую невероятное желание прыгнуть к нему сзади, издав при этом громкий радостный писк, но мне приходится еле сдерживать себя от столь странных действий. Всегда хотела прокатиться на байке. У Дилана был свой мотоцикл ещё пару лет назад, на котором он

частенько катался по городу, но брат категорически отказывался брать меня с собой, утверждая, что это опасно. Уверена, родители тоже повлияли на его решение.

– Я не могу, – отвечаю я коротко.

– Почему?

– Родители убьют меня, если узнают, что я каталась на байке, да ещё и в этом платье.

– Если это единственное, что тебя останавливает, то ты *обязана* сесть.

Удивлённо смотрю в его яркие зелёные глаза, словно светящиеся в темноте.

– Это почему же?

– Ты никогда не станешь самостоятельной, если всю жизнь будешь слушаться своих родителей. Рано или поздно ты должна повзрослеть. И лучше начать сейчас.

Его ответ заставляет меня задуматься. Нет, конечно, я и раньше задумывалась над тем, что не обязана выполнять все «приказы» родителей и жить только так, как им угодно. Но эти размышления покидали меня быстрее, чем мозг успевал освоить этот вопрос до конца. Потому что я привыкла. Привыкла делать то, чего хотят они.

Родители забирают у меня право выбора слишком часто. И к тому же, что будет из-за одной безобидной поездки, верно?

Мне становится любопытно. Начинаю воспринимать предложение как способ проверить себя, окунуться в небольшое приключение, получить новый опыт.

Я еле выкарабкиваюсь из мыслей, затронувших меня до глубины души, и возвращаю взгляд на парня. Без слов подхожу к нему и сажусь сзади, и мои действия, вижу, заставляют его довольно усмехнуться. Я сижу так близко к его телу, что чувствую исходящее от него тепло. А ещё он вкусно пахнет.

– Держись крепче, – тихо говорит он.

Я неуверенно обнимаю руками его торс, через ткань рубашки чувствуя его твёрдый пресс. От стыда опускаю глаза вниз.

Он заводит байк, и мы наконец трогаемся с места.

Глава 7

Ветер щекочет мне лицо, бросает волосы назад. Я закрываю глаза от приятной поездки, продолжая крепко держать новенького за талию.

Буду его так называть. *Новенький*.

Дилан убил бы меня за моё легкомыслие и наивность, которыми я замаскировала свою тупость. И если хорошенько подумать, он был бы полностью прав, ведь сесть к какому-то парню, которого знаешь лишь пару дней – идея не из самых лучших. К тому же, когда ты особото с мужским полом никогда дел не имела и совсем в них не разбираешься.

Но доверие к нему, внушаемое мне собственным сердцем, глупо побеждает инстинкт самосохранения.

Мы проезжаем мимо двухэтажных домов, свет в их окнах уже погас, а потом передвигаемся мимо деревьев, лениво тянущихся к небу, мимо парков и разных магазинов, чьи яркие вывески бросают забавные блики на асфальт. Свет луны накрывает землю своей серовато-голубой простынёй, будто бы хочет показаться королём, способным утопить всех в своей светлой тени.

Мы молчим, слыша лишь шум двигателя байка и собственное сердцебиение. Мне не хочется нарушать эту идиллию, а новенький, словно чувствуя это, продолжает дарить мне приятные моменты.

Время уже наверняка позднее, если судить по тому, что людей мы практически не встречаем. Лишь изредка на глаза попадает парочка мужчин или женщин, которые идут по своим делам или просто прогуливаются. А внутри меня какое-то необъяснимое удовольствие от того, что я послушалась родителей впервые в своей жизни.

Мы едем по дороге, по двум сторонам от которой лишь небольшие дома и деревья, и я никак не могу определить, вышли ли мы из Сиэтла, или это всё ещё часть города. Когда же мы доезжаем до плавного поворота дороги налево, парень вдруг останавливает свой байк, снимает шлем и встаёт.

– Дальше пойдём пешком, – говорит он мне.

Я тоже слезаю с мотоцикла и пытаюсь угадать, куда это мы пойдём пешком. Но мне просто не остаётся достаточного количества времени, чтобы подумать, так как мой попутчик идёт вперёд, прямо в лес. Наверное, я поступаю глупо, но интуиция молчит, поэтому я без сомнений плетусь за ним.

Мы проходим мимо деревьев, слыша голоса лесных жителей и совсем не встречая никого на своём пути. Так тихо и успокаивающе приятно, что я даже забываю, что всего несколько минут назад находилась в пыльном бетонном городе, заполненном шумящими автомобилями и вечно куда-то спешащими людьми.

Проходит минута, пока мы вдруг не доходим до одиноко стоящего деревянного домика, который словно вышел из сказки. Он полностью состоит из дерева и даже имеет небольшой балкончик на втором этаже. К входной двери ведут небольшие деревянные ступеньки, а по сторонам висят два фонаря.

Мне вдруг показалось, что окажись мы в сказке, в этом жилище точно обитала бы какая-нибудь добрая волшебница.

– Что это за место? – спрашиваю я, стараясь скрыть в голосе беспокойность.

– Здесь готовят самые вкусные пирожные в мире. Ты должна их попробовать.

Я удивляюсь, совсем не ожидая услышать нечто подобное, но шага не сбавляю. Мне даже кажется, после этих слов я наконец сумела-таки расслабиться ещё больше.

Он подходит к домику и дважды стучится в маленькое окошко. Почти сразу оно открывается, и я вижу лицо. Это старенькая женщина с седыми волосами и очень добрыми чертами лица. Обычно такими изображают каких-нибудь добрых крёстных фей. Старушка очень добродушно улыбается, когда её глаза цвета голубого неба устремляются точно на парня рядом со мной. В них сверкают искры радости.

– Кого это я вижу! – произносит она очень воодушевлённо. – погоди секунду, я сейчас выйду.

Не закрыв окошко, старушка исчезает где-то внутри дома, затем я вижу, как она открывает дверь, спускается по ступенькам вниз и осторожно подходит к нам. При этом её движения такие, что кажется, они даются ей с трудом. Когда она приближается на достаточное расстояние и обнимает парня, я вижу, как хорошо она выглядит вблизи, как старость совсем не испортила её внешность. Я даже сумела представить, насколько красивой она наверняка была в молодости.

– Рад видеть вас в целостности и сохранности, – улыбается парень с такой нежностью, что я чуть не растаяла.

Вероятно, это его бабушка, – пролетают мысли в голове. Однако мне не совсем понятно, почему она живёт здесь, посреди этой пустоши, совершенно одна.

Пользуясь случаем, внимательно разглядываю домик. Такой маленький, такой непривычный для меня. Я в своей жизни видела лишь дома, построенные в самых элитных уголках мира: будь то дорогие квартиры где-нибудь поближе к центру Лондона или роскошная вилла в какой-нибудь Тоскане.

Простые дома и простые люди для меня огромная редкость, как редок настоящий алмаз для простого человека.

– Такое ощущение, что прошли сотни лет с того времени, как я в последний раз видела тебя, мальчик мой. Я ведь так соскучилась по тебе, – продолжает женщина, глядя на моего спутника с особым трепетом и нежностью.

Точно его бабушка, убеждаюсь я.

– Я был немного занят, – отвечает парень и вдруг поворачивается ко мне. – Кстати, я не один... Каталина, подойди сюда.

Меня тут же пронзает неловкость. Я начинаю считать, что не должна тут находиться. И действительно... Что я вообще здесь делаю?

Едва поборов свою робость, я подхожу к парню медленными шагами. Моё лицо должно приобрести максимально дружелюбные черты, если такое вообще возможно. Именно это я твержу себе миллионы раз, пока смотрю на женщину.

– Это твоя девушка? – интересуется она вдруг, хитро прищуривая глаза.

– Пока только подруга, – отвечает новенький.

– Ну-ну... – Она широко улыбается. – Я живу на этом свете очень много лет, мой мальчик, и, уж поверьте мне, я хорошо знаю, что дружбы между мужчиной и женщиной не существует.

Конечно, я с ней не соглашаюсь, но не произношу ничего вслух.

Не то чтобы я эксперт по межполовой дружбе, но сказанное старушкой заставляет меня неловко топтаться на месте. Не знаю, куда себя деть. Многие взрослые всё ещё живут в прошлом, утверждая то, что уже давно в современном мире не действует и даже считается постыдным среди молодёжи наших лет. Однако спорить я, конечно же, не могу, поэтому лишь принимаю её слова как должное.

– Миссис Майер, вы всё ещё печёте те пирожные? – сменяет тему парень.

Я сперва мысленно его благодарю, а уж потом понимаю, что это не бабушка его вовсе. Кто будет так официально обращаться к своей бабule?

Женщина улыбается пуце прежнего, кинув слегка возмущённое:

– Конечно! Я готовлю эти пирожные вот уже двадцать лет и не смогу изменить своей привычке.

Она идёт обратно к окошку, суёт руки внутрь и что-то достаёт. Я пользуюсь случаем, чтобы поправить свои волосы. Глупая привычка, привитая мне мамой: *«Всегда выгляди опрятно. Как леди. Как принцесса. Следи за одеждой и волосами. Где бы ты ни находилась»*. Вот я и расплачиваюсь за мамины капризы.

– Надеюсь, твоей милой девушке тоже понравится, – улыбаясь произносит старушка, и я смущённо отвожу глаза.

Миссис Майер держит в руках два небольших пирожных с белоснежной глазурью. Выглядит очень вкусно, и мой живот едва не заурчал.

– Спасибо, – благодарит её парень, взяв в руки угощения, один из которых тут же протягивает мне.

Я беру в руку пирожное и с интересом разглядываю его. Бисквит очень мягкий и воздушный, а крем приятного нежного цвета лежит на поверхности, украшенный разноцветной присыпкой. Даже не верится, что этот десерт был создан руками милой старушки, живущей в лесном домике, а не в какой-нибудь известной кондитерской где-нибудь в городе. Мы что-то подобное заказывали из *«The Pink Door»*, когда к нам в гости на ночёвку приезжала Вэнди. Она этот ресторан обожала.

– А из чего вы их готовите? – интересуюсь я, наконец набравшись смелости хоть что-то сказать.

– Я не выдаю своих секретов. – Старушка хитро улыбается, подмигнув мне.

Издаю чуть слышный смешок и вместе с тем благодарю женщину за её вкусный подарок. А вот новенький вдруг отправляет руку в карман и достаёт достаточно внушительную пачку денег. Мне приходится в изумлении распахнуть глаза. Обычно люди с таким количеством денег в кармане не ходят.

– Позвольте мне отблагодарить вас, — произносит он.

– Мне это не нужно, мальчик мой, – упрямо говорит она, отталкивая руку парня.

– Я не могу сейчас просто развернуться и уйти, миссис Майер.

– Нет, можешь. За эти долгие годы ты стал для меня словно родной. Я не могу позволить себе брать деньги у кого-то столь близкого.

– Вы должны взять.

– Не должна. Иди, Гай.

Гай!

Так вот как тебя зовут, новенький.

Я будто ничего остального не слышу уже. Хотя, так и есть. Здорово наконец узнать его имя.

– У меня достаточно денег, чтобы купить у вас эти чёртовы пирожные. – У Гая брови сводятся в переносице. – Не смотрите на это как на благотворительность. Я плачу за пирожные. Миссис Майер, возьмите. Вам нужны деньги. Я не устану повторять свои попытки.

Женщина вдруг замолкает и направляет свои голубые глаза куда-то вниз. Она грустно улыбается, старается сохранять прежнее состояние, но в зрачках отражается печаль. Такая резкая смена будит во мне любопытство и беспокойность одновременно.

– Мне не нужны деньги, мой дорогой мальчик. Они не приносят мне никакого счастья. Я довольна тем, что у меня *уже* есть. Я лишь хочу поскорее к нему отправиться. – Она поднимает взор на небо и смотрит туда с невероятной любовью. – Он меня уже заждался.

Парень молчит. Я не могу видеть его эмоции, так как он стоит ко мне спиной, но я могу слышать, как его дыхание перехватывает.

В воздухе повисает такое тягостное напряжённое ощущение, такое мрачное, что мне едва удаётся дышать. Но догадки насчёт происходящего не заставляют себя долго ждать: скорее

всего, миссис Майер говорит о своём умершем муже. Или о брате... Или о ком-то другом. О ком-то очень близком и важном.

Внутри меня что-то содрогается от столь грустных мыслей.

– До свидания, миссис Майер, – наконец говорит Гай спокойным голосом. – Спасибо за всё, что вы сделали для моей семьи.

Ему будто всё становится понятно.

В этом предложении чувствуется нотка скорби и... прощания?

Я стою как дура, неспособная разобраться в происходящем, но чувствую, что напряжение развивается.

– Наверное, уже *прощай*. – Она переводит взгляд на меня и добавляет: – Береги его, Каталина. Он очень хороший человек, и у него прекрасное доброе сердце.

Я не могу найти слов, которые были бы уместны в этой ситуации, поэтому просто молча смотрю на то, как миссис Майер снова подходит к двери.

Мы с Гаем идём обратно, пока женщина машет нам рукой. Идём до тех пор, пока домик с его жительницей не скрываются за деревьями.

Всего спустя полчаса мы просто гуляем по лесу, наступая на сухие ветки, которые издают громкие хрусты, прежде чем погибнуть под нашими ногами. В голову почти не возвращаются сцены из последней странной встречи. По крайней мере, в мою голову точно.

Тишина леса такая спокойная и умиротворяющая.

Я слышу звук собственного сердцебиения и шелест опавших с деревьев листьев под ногами. Вечернее небо темнеет ещё больше от надвигающейся грозы: облака прикрывают луну, и всё вокруг погружается в ещё больший мрак.

Я откусываю небольшой кусочек от пирожного, стараясь насладиться этим вкусом как можно дольше. Оно действительно потрясающее. Нигде прежде я не пробовала ничего подобного, хоть за всю жизнь успела съесть не мало самых различных сладостей, которыми меня угощал папа.

Я поворачиваюсь к Гаю, который идёт рядом со мной, полностью погружённый в свои мысли. Не хочется его тревожить, но мне придётся, потому что эта идиллия кажется мне слишком безмятежной и в какой-то степени напряжённой.

– Так тебя зовут Гай, – нарушаю я тишину.

Парень словно резко выныривает из потока мыслей и только сейчас вдруг вспоминает о моём существовании. Отвечает:

– Да. Секретом продержаться это не удалось.

– А зачем из имени делать великий секрет?

Он не отвечает, будто и впрямь это было его целью.

– А фамилию я тоже из уст других людей узнаю? – спрашиваю я.

В ответ получаю пожимание плечами.

Кажется, этот парень не слишком разговорчив. В прочем, как и я в обычное время. Однако с ним у меня вдруг мозги набекрень пошли.

– А что это была за милая женщина? Это же не бабушка твоя была?

– Нет, не бабушка, – качает головой он, – но она очень близкий друг нашей семьи.

– Правда? Расскажешь подробнее? Как так получилось?

– Миссис Майер жила здесь со своим мужем. Однажды мама прогуливалась по этим местам. Она часто просила нашего водителя подвезти её к этому лесу, а сама шла дальше вглубь. Хотела побыть наедине с собой, подумать, отдохнуть от суеты города, потому что часто мама говорила, что тишины ей вполне хватает для счастья... – Гай молчит несколько секунд перед тем, как продолжить: – Она была беременна. И когда она проходила по этой дороге, на неё напали. Пара уродов хотели ограбить её, всячески угрожали. Но нам всем повезло: рядом жила семья. Муж миссис Майер как раз выходил в лес, чтобы наломать дров для печи,

и он заметил запыхавшуюся маму. Её схватили за волосы, пытались заткнуть. Мистер Майер выстрелил в воздух, напугав ублюдков, и те тут же скрылись. Он спас мою маму. И меня вместе с ней. После этого он пригласил её в дом, и миссис Майер хорошо о ней позаботилась и помогла вернуть обратно домой, пока отец лично не приехал, чтобы забрать её. С тех самых пор моя семья очень благодарна им. Мы часто посылали им деньги в виде помощи, но после того, как мистера Майера не стало... Она просто отказывается брать какие-либо деньги. В прочем, ты только что сама всё видела.

Его рассказ предстаёт передо мной удивительными картинками. Кадрами из голливудской мелодрамы, которая вполне могла удостоиться чести получить множество наград.

– Так... трогательно. – Я расплываюсь в широкой улыбке. – Вы с мамой, наверное, частенько вспоминаете эту историю?

В миг глаза Гая чернеют, как будто в банку со светло-зелёной краской вдруг окунули кисть с чернилами, лицо быстро меняется. Теперь я вижу горечь, печаль и тоску.

– Вспоминали. Она умерла несколько лет назад.

Его голос пронзает острая боль. Слышу в нём столько отчаяния, что сердце сжимается в тугой комочек.

– Прости, – шепчу я, испытывая при этом столько вины, словно я действительно сделала что-то поистине ужасное.

Вновь тишина.

Запах леса смешивается с моим сочувствием, а небо, словно растроганное историей Гая, издаёт звонкий гром и собирается заплакать.

– Ты можешь промокнуть. – Гай снимает свою чёрную куртку и накидывает мне на плечи. – Простуда – не самое приятное, что можно отхватить в учебный год.

Его забота заставляет меня улыбнуться, и я благодарно киваю головой.

Гай смотрит на часы на своей руке, хмурится, потом выдаёт:

– Уже поздно. Нам нужно успеть вернуться вовремя, чтобы твои родители не имели к тебе никаких претензий.

Я смотрю на время, отображаемое на дисплее телефона. Ужасаюсь.

– Да! – панически вскрикиваю я. – Мне срочно нужно домой!

– Тогда идём?

Он протягивает мне руку так, будто сама я пойти не смогу. А я совсем и не против положить в неё свою ладонь. От таких сцен мама была бы в восторге: вот, из меня получается почти самая настоящая принцесса.

* * *

Привычного яркого света нет ни в одном окне. Спальня родителей погружена в мрак.

Возможно, все уже спят.

Я проверяю свой телефон на наличие пропущенных звонков или сообщений, но всё пусто. Вызывает совсем не облегчение, а даже как раз совсем наоборот – ужасаюсь пуще прежнего.

Молчание мамы никогда ничем хорошим не кончается.

– Спасибо за... За отличное времяпрепровождение. – Я искренне улыбаюсь, вспоминая каждую деталь сегодняшней ночи. – Мне давно не было так... свободно.

Парень сидит на своём байке, смотрит на меня изумрудными глазами и кивает в ответ, выдавая:

– Друзья дают возможность ощутить свободу, в которой мы так часто нуждаемся, верно ведь, Каталина?

Улыбаюсь и медленно разворачиваюсь.

Я отдаляюсь от него, всё ближе приближаюсь к воротам дома, за которыми меня уже поджидают виднеющиеся охранники.

Решаю выдать:

– Тогда до следующей встречи, *друг?*

Я вижу лёгкую, едва заметную усмешку на его лице. А потом такое же спокойное в ответ:

– До следующей встречи, *подруга*.

Глава 8

Дома так тихо, что я слышу лишь тиканье настенных часов, висящих в прихожей сколько я себя помню.

Охранник пропустил меня без вопросов: я видела его усталый вид и предположила, что он не горел желанием выяснять со мной все детали моего ночного путешествия. Не могу быть не рада этому. Излишние разговоры выбивают из меня все силы.

Когда же я ступаю за порог дома, меня встречает могильная тишина и безмятежность. Тёмный коридор, который ведёт в гостиную, кончается приоткрытой дверью, откуда исходит единственный в доме включённый свет. Я напрягаюсь практически сразу же и медленно, словно вор, пробравшийся в дорогой особняк, куда неожиданно вернулись хозяева, шагаю к ступенькам вверх, желая бесшумно добраться до своей комнаты.

– Лина, это ты?

Чуть не спотыкаясь об свою же ногу, услышав мамин голос.

Всё... Теперь мне точно конец.

Я, зажмурившись, словно таким образом просто исчезну, медленными шагами иду обратно. Приоткрываю дверь в гостиную и вижу сидящую на кресле маму. Она попивает чай, устремив взгляд на журнал в руке и закинув ногу на ногу. Не вижу в её глазах какой-либо злости и недовольства, которые обычно всегда чую за километр.

– Привет, мам. – Пытаюсь собрать в голосе уверенность.

Мама смотрит на меня, улыбается, и все мои страхи тут же испаряются.

– Как прошла прогулка с Диланом?

Её вопрос застаёт меня врасплох и выбивает из колеи. Затем до меня доходит мысль, что подобный бред маме выложил именно Дилан, ведь именно это он и предлагал выдать родителям, если меня вдруг поймают. На душе легче.

– Отлично, – слишком быстро отвечаю я, стараясь скрыть в голосе признаки лжи. – Было здорово.

– А почему он не вошёл поздороваться? Неужели совсем не соскучился по своим родителям?

– Ну-у-у... Время уже позднее. Он решил, что вы все спите. Я тоже так думала.

– Ладно, детка, иди к себе в комнату и ложись спать. Время уже действительно позднее.

– А папа где? – спрашиваю я, уже зная ответ.

– Вновь уехал на важное совещание. Ты же его знаешь.

Я лишь грустно вздыхаю, испытав уже знакомое чувство, и, кинув маме короткое «спокойной ночи», направляюсь к выходу из гостиной.

– Сладких снов, милая.

Мама возвращает взгляд на страницы своего журнала и продолжает чаепитие, а я бегу к себе в комнату, чтобы лечь и ещё пару часиков перематывать в голове эту уютную ночь с Гаем.

* * *

– Завтра мне нечего надеть, – жалобно проговаривает Ирэн, надув губы.

– Ты уже научилась предсказывать будущее? – хихикает Вэнди, кинув в рот картошку-фри.

Я устало кладу голову на стол, чувствуя, как приближается сон. Ещё чуть-чуть – и я засну прямо здесь, в столовой.

– Лина, что с тобой? Плохо спала? – В голосе Вэнди проскальзывает волнение.

Его просьба больше слышится как приказ. Такой уверенный и холодный тон. Любая бы согласилась подчиниться. А куда уж мне – такой слабохарактерной и мягкой девушке – против его слов?

Блондин, сидящий рядом с ним, тут же поднимает голову и смотрит на меня. Потом улыбается, но ничего не говорит.

– Не думаю, что это хорошая идея. – Я пожимаю плечами, взглядом указываю на его светловолосого друга: – Не хочу мешать вашей мужской компании. И к тому же мне сейчас нужно идти и...

– Но я хочу, чтобы ты всё же села.

Его зелёные глаза могли бы напоминать светлый и тёплый лес, но вместо этого сейчас они напоминают что-то крайне холодное. Ледяное озеро, например. А голос как лёд.

И я не сумела противиться.

Подхожу к столику, сажусь на единственный свободный стул, находящийся рядом с блондином.

– Как на ночную поездку отреагировали твои родители? – вдруг спрашивает Гай, будто всё это время он считал, что мне нехило досталось дома.

И, о боже, какой же у него всё-таки взгляд. Слишком пронзительный, что смотреть в его глаза просто невозможно. Поэтому я постоянно уворачиваюсь, то пялясь на окружающих нас студентов, то на свои руки, то на потолок.

– Папа находился на работе, а мама думала, что я провела ночь с Диланом, – отвечаю я, откашливаясь. – Так что ничего страшного не случилось.

– Рад слышать, что всё прошло хорошо.

– Две зануды встретились в столовой, – вдруг протягивает блондин, резко встревая в разговор.

Вот у него глаза голубого цвета. Такого же цвета, что и замёрзшее озеро. Но нет в них того же холода, что у Гая. Как такое возможно?

– Каталина, – начинает снова говорить Гай, бросая на своего друга не самый добрый взгляд, – это Нейт. Нейт, это Каталина.

– Приветик, – подмигивает Нейт и протягивает мне руку для рукопожатия. – Мы уже с тобой встречались, кстати. Приятно познакомиться, мадмуазель.

Я протягиваю руку в ответ и жму его ладонь.

– И мне, – говорю я, придерживаясь вежливости и вместе с тем в удивлении глядя на то, как отличаются цвета нашей кожи. Его тон гораздо-гораздо светлее. Он будто из снега вылеплен.

– Думал на днях к тебе подкатить, – с шуточным разочарованием продолжает он, – но вижу, мой братан уже тебя застолбил.

Гай со взглядом, так и твердящим: «Идиот», качает головой и перебирает пальцами свою картошку-фри, лежащую у него в тарелке. Я очевидно снова смущаюсь.

– Да ладно вам! – Нейт хлопает Гая по спине, смотрит на меня с каким-то интересом. – Расслабьтесь! Может, я вас покину для того, чтобы вы тут сами успели поворковать? Чувствую себя третьим лишним.

Нет! Мне хочется прокричать именно это слово, однако я сдерживаюсь, оставаясь нейтральной.

– Было бы неплохо, – выдаёт Гай, поднимая взгляд на своего друга. В глазах снова что-то бушует.

– А фиг вам, – издаёт смешок в ответ Нейт. – Я, если что, ещё не доел, так что твоя задница, братан, немножко подождёт.

Я в удивлении для себя самой замечаю их удивительную разницу. В первую очередь, проявляющуюся внешне.

Темноволосый зеленоглазый Гай, надевающий исключительно чёрный цвет и одну классику, а рядом с ним Нейт – блондин, волосы которого походят на нечто между солнечным светом и шампанским в прозрачном бокале. Голубые, удивительно светлые глаза, кожа белая как фарфор. А одет он всё ещё в нашу университетскую форму.

– Расскажи немного о себе, Каталина, – попивая из своего стаканчика горячий кофе и улыбаясь, интересуется Нейт.

– Что именно мне рассказать?

– Ну, например, о своей семье... Об отце.

Гай неожиданно дёргает его руку. При этом он, видно, старался сделать это незаметно, но мой взгляд перехватил это странное движение.

– А почему тебе интересно узнать о моём отце? – спрашиваю я.

– Он просто любит трепать языком, не более, – холодно кидает Гай. – Правда ведь, Нейт?

В ответ его друг лишь поднимает руки, будто сдаётся и не говорит больше ни слова.

Я в полном недоумении от того, что сейчас происходит.

– А ты уже успел стать всеобщим любимчиком, знаешь об этом? – вдруг произношу я, сменив тему.

Наверное, мозг решил поиздеваться надо мной, сговорившись с языком. Оба они решили просто меня подставить.

У Гая слегка приподнимаются брови, будто он совсем не понял, что это такое я только что сказала. А может он просто удивлён тем, что я заговорила самостоятельно.

– Правда? – говорит он. – Я не заметил.

Я головой указываю на сидящих за соседними столиками девушек, не перестающих хихикать и смотреть периодически в нашу сторону, что-то обсуждая.

– А чё это сразу к Гаю? – нарочито обиженным тоном проговаривает Нейт. – Может, эти крошки меня обсуждают?

– Может и так, – соглашаюсь я, улыбаясь. – А ты ведь новенький? Вы вместе перешли?

Они переглядываются, но ничего мне не отвечают.

Странно всё это.

Не успевает кто-то ещё что-нибудь сказать, как по столовой проносится хриплый голос нашего престарелого декана, мистера Флэтчера, всю жизнь, кажется, отдавшего на работу в Департаменте дисциплины:

– Почему всё ещё не в своих аудиториях? Живо поднимайтесь! Занятия начнутся с минуты на минуту! Чтобы я здесь вас не видел!

Будь я из какой-нибудь простой семьи, я обязательно съязвила бы что-нибудь в ответ. Ах да, ещё будь я такой смелой и дерзкой, как, к примеру, та же Франческа.

Но мне нельзя.

Я из семьи Норвудов, моя мама воспитывает меня как принцессу, отец относится как к принцессе, мне нельзя то, нельзя это. Я должна подавать пример и быть скромной, тихой и вежливой девушкой, чтобы все смотрели на меня с восхищением.

Я этого придерживаюсь. По крайней мере, стараюсь придерживаться.

Встаю со своего места, не желая задерживать на себе взгляд мистера Флэтчера и стремясь по-быстрому выбраться из столовой. В какой-то степени я даже благодарю его за то, что теперь у меня появился повод слинять и чем-то наконец заняться.

– Что у тебя сейчас? – спрашивает вдруг Гай, вставая, прежде чем я успеваю и шагу в сторону от стола сделать.

– Физкультура, – отвечаю я.

– Тогда можем и не идти?

Я выгибаю бровь в вопросе. Он продолжает:

– У меня есть идея получше.

Гай что-то говорит Нейту, и тот, кивнув, уходит, при этом успев кинуть мне дружелюбное *«Ещё увидимся, крошка!»*, улыбается, машет мне рукой. Пытаюсь быть дружелюбной в ответ и с лёгкой улыбкой киваю.

Гай вдруг протягивает мне свою ладонь, при этом выглядя так, будто ответить я должна машинально.

Но я в смятении.

Вот что бывает, когда твои родители все семнадцать лет твоего существования всячески отгораживают тебя от общества парней, насильно запихивают в твою голову одни мысли об учёбе и заставляют думать о «лице» твоей уважаемой семьи, которое ты показываешь своим поведением. Сейчас стыдно говорить, что за семнадцать лет у тебя ещё ни разу не было парня.

Но у меня другого выбора попросту нет.

Я беру Гая за руку.

Ладонь у него холодная, почти как у мертвеца, и моя горячая кожа резко с ней контрастирует. И по цвету тоже. У него кожа светлее, когда моя, храня в себе отдалённые испанские корни со стороны мамы, чуть смугловата.

Он вдруг тянет меня в противоположную сторону от выхода из столовой, и я в удивлении поднимаю брови.

Декана уже, к счастью, не видно.

– Куда ты меня ведёшь? Выход с другой стороны.

– Выйдем через окно. Хочу показать тебе кое-что.

– Хочешь показать, как выглядит асфальт за секунду до того, как моё лицо с ним встретится?

Снова поражаюсь тому, с каким тоном я вдруг начинаю с ним говорить. С таким же, с каким я обычно шутки шучу с Ирэн и Вэнди. И Диланом ещё.

– Сама всё увидишь, Каталина, – только и отвечает Гай.

Он ведёт меня напрямик к небольшой и непримечательной двери, скрывающей за собой, насколько я знаю, простую пыльную каморку, где хранятся старые ненужные вещи. Пару раз становилась свидетелем того, как после драки двух мажоров в столовой туда понесли сломанные стулья. Не знаю, что с ними делают потом.

Мы входим внутрь.

Здесь тихо и пыльно, повсюду старая посуда, веники, ковры и ещё какое-то барахло. Воздухом трудно дышать. Я невольно прикрываю себе рот ладонью и стараюсь ни к чему не прикасаться. Каждодневные «тренировки» мамы выбили из меня всё желание дотрагиваться до грязных вещей и всегда держать одежду и руки в чистоте.

Единственным освещением в этом маленьком тёмном мирке служит широкое окно, почти достигающее до самого пола. Гай как раз к нему и подходит, распахивает его настежь, и мне наконец удаётся убрать ладонь с лица, чтобы подышать. В лицо дует приятный тёплый ветер, запрокинув мне волосы назад.

А вот Гай в свою очередь вдруг поднимается на широкий подоконник, взявшись за ручку окна, и моё сердце, кажется, подпрыгивает вверх от подобных действий.

– Ты что делаешь?! – выпучив глаза, произношу я, чуть не издав писк.

Хочется схватить его за руку, но таким действием я лишь подтолкну его, он просто споткнётся, и это будет на моей совести.

– Хочу тебе кое-что показать, – говорит парень таким тоном, будто от этого зависит его жизнь.

Мы на четвёртом этаже университета. Кто-то легко умирает после падения с такой высоты, кто-то получает серьёзные травмы. В любом случае последствия не самые приятные.

– Пожалуйста, может ты всё-таки слезешь? – спрашиваю я, наблюдая за тем, как он почти полностью высунулся наружу.

- Подойди сюда, Каталина.
- У нас уже и лекция началась! Мне совсем не хочется получать выговора и по...
- Не волнуйся. Я всё улажу, если до этого дойдёт.
- Откуда такая уверенность?
- Потому что я так сказал.

Я молчу. Смотрю на него с неодобрением. Как будто отчитываю. Хотя именно этого я и добиваюсь.

А он вдруг вместо дальнейших слов перелезает на ту сторону, оказавшись всем телом снаружи. Это его быстрое движение заставляет все мои органы разом упасть вниз с таким грохотом, что мне кажется, его наверняка слышали все.

Заметив резкую перемену в моём лице, парень издаёт короткий смешок.

– Это не смешно, – почти моля его, произношу я. – Ты же можешь упасть.

Я подхожу к окну ближе, медленно и осторожно, и выглядываю наружу. Гай стоит на тоненькой ниточке оконного отлива, и я столбенею, как только вижу эту пропасть под его ногами.

– Ты с ума сошёл?! Слезай, пожалуйста!

Гай успешно игнорирует мои просьбы и самодовольно поднимает глаза, вцепившись в меня взглядом. А мне снова становится ужасно неловко.

Он, чёрт возьми, начинает раскачиваться из стороны в сторону, будто дразня меня, и при этом кидает:

– Я не упаду.

– Слушай, у тебя нет дара предсказания и уж тем более нет нескольких жизней. Если ты сейчас грохнешься, ты не просто сломаешь себе шею... Ты разобьёшься! Тебе меньше надо играть в видеоигры или смотреть всякие боевики про крутых парней.

– Я не играю в видеоигры и не смотрю боевики про крутых парней.

– Значит, ты от природы такой глупый?

Пожав плечами, Гай кидает:

– Возможно.

Чувствую приближение нарастающего отчаяния внутри себя, что хочется кричать.

– Ты собираешься покончить с собой? Да?

Парень отрицательно качает головой.

– Что ты хочешь мне показать? Ты можешь сделать это и внутри. Тебе необязательно для этого стоять снаружи.

– Но отсюда вид намного лучше.

– Вид?! Ты хочешь показать мне вид?!

– Да. Он потрясающий.

Его спокойствие просто выносит мне мозг. Нервы на пределе. А его глумливое и саркастическое поведение выходит за рамки! Не хватало мне в свои семнадцать увидеть, как передо мной разбивается человек.

– Пожалуйста, не глупи. Из-за таких дурацких выходок уже погибло не мало людей.

– Со мной всё будет в порядке. Я могу показать.

И, сказав это, он прыгает вниз.

Глава 9

Я визжу. Но визг длится ровно секунду.

Он *прыгнул*. Он действительно *прыгнул*!

Руки у меня неистово дрожат, дрожит всё тело. Чувствую нарастающую панику, которая медленно и противно подкатывает к горлу, готовясь свести меня с ума. Не верю в произошедшее и ни за что не хочу верить, полностью игнорируя факт того, что я только что увидела это собственными глазами.

Я на пару секунд замешкалась, не готовая увидеть то, во что Гай мог превратиться после падения, но всё же делаю это. Я подхожу к окну и вытаскиваю голову, уставившись вниз с прищуренными глазами.

Наглая ухмылка... Именно её я вижу в первую очередь.

Не пропасть, не людишек далеко внизу, не проезжающие машины... А эту наглую ухмылку, полную издевательства и самодовольства.

Гай будто парит в воздухе.

– Какого... – вырывается у меня.

– Я же говорил, что не упаду.

Он произносит эти слова таким спокойным тоном, что мне хочется врезать ему со своей силы, хотя это совсем не в моём стиле и точно не подходит такой девице как я. Даже не смотря на тренировки с Трэвисом.

Рассматриваю его внимательно и наконец понимаю, как ему это удалось. Под оконным отливом чуть ниже находится что-то вроде подоконника – что-то широкое и каменное, медленно по бокам превращаясь в изгибы статуй. Снизу, когда смотришь на здание университета снаружи, этого подоконника никак не видно, но сейчас я детальной всё оглядываю. Он крепко держится за здание, выполняя в первую очередь роль элемента декора университета. На нём легко сохранять равновесие, и за парня можно не волноваться: он в полной безопасности.

Чувствую, как моё сердце приходит в норму, возвращает свой обычный ритм биения, а лёгкие, до этого сжатые в комочек, расслабляются.

– Меня чуть инфаркт не хватил! – кричу я, при этом сохраняя рамки, чтобы моего голоса не было слышно посторонним.

– Я видел.

– И это всё, что ты можешь сказать? Ты не извинишься за своё глупое поведение?

– Всё же в порядке. Я всё контролировал. Не вижу смысла извиняться.

Я лишь цокаю и отхожу от окна. Выглядываю из-за двери, разглядываю столовую. Пусто. Лишь пара уборщиц подметают с пола крошки от бургеров и прочие остатки еды, которые студенты безжалостно роняли во время перекуса.

– Каталина, иди сюда, – произносит Гай, а я его игнорирую. – Каталина?

Я продолжаю молчать, пытаюсь придумать, как мне вернуться на занятия так, чтобы меня не убили преподаватели и не узнала мама.

– Ты должна дать мне шанс.

Я резко оборачиваюсь и вижу, как Гай держится за оконную раму, свисая телом туда в пропасть, и смотрит на меня с ожиданием ответа. Его руки, должно быть, невероятно сильны. На этот раз это его движение не выглядит таким безопасным, как если бы он продолжал стоять на том уступе.

– Как ты это сделал? – удивлённо спрашиваю я, подходя к нему ближе.

– Тренировки.

Я чуть едва понимающе не киваю, вспоминая, что сама занимаюсь тренировками дома. Но вряд ли мои руки крепки настолько же.

– Какие именно? – спрашиваю я.

– Какие нужны.

Даю себе разрешение усмехнуться.

– Хорошо. – Киваю, понимаю, что его дурацкий поступок медленно стирается с памяти, и почти даже улыбаюсь. – Показывай мне то, что хотел показать. Но поскорее.

– Надо же. Тебе всё ещё интересно?

– Конечно. Ты ради этого рисковал своей жизнью. Конечно, мне интересно.

Он смотрит вниз, потом поднимает взгляд на меня, и теперь в его зелёных глазах играют смешинки.

– Тебе придётся спуститься со мной, – говорит Гай.

У меня челюсть свисает от такого заявления.

– О, нет... Нет, нет, нет. Я не такая удачливая и ловкая как ты. Я тут же свалюсь. И... Честно, я до ужаса боюсь высоты. Пара секунд, и всё, у меня кружится голова.

– Не волнуйся, Каталина. – Его голос так удивительно успокаивает, что я почти повинуюсь. – Я буду держать тебя.

– Нет. – Срастаюсь с полом, чтобы меня наверняка нельзя было никуда двинуть. – Разве нет других вариантов?

– Доверься мне.

Гай наверняка из тех людей, которые располагают к себе. Они всегда уверены, сдержанны, слишком обаятельны для того, чтобы от них отвернуться.

Тут я отчего-то замолкаю, раздумывая над своим будущим решением. Пытаюсь расставить в голове самые разные варианты ответов и стараюсь выбрать лучший.

Разве тебе есть что терять? – глупые мысли выдаёт мозг.

Вспоминаю родителей, и в голове мигом пролетают сцены, на которых они горюют о моей до абсурда смешной смерти. А потом я смотрю на Гая, в его глаза, которые обещают мне безопасность. Думаю о том, сколько же раз на тренировках мне приходилось разбивать костяшки в кровь, и ничего, было не страшно и терпимо. Может, и сейчас можно попытаться себя перебороть...

Я почти не верю, когда уверенно произношу:

– Хорошо. Я не против.

Гай сначала кивает, потом слабо улыбается моему ответу и спускается обратно на тот каменный уступ. Я подхожу к окну и вновь выглядываю из него, уставившись вниз. Высота, следующая за телом парня, заставляет всё перед глазами поплыть. А я ведь совсем не шутила, когда говорила о своей фобии. Лишь силой воли мне удаётся прогнать пелену, возникшую в голове на долю секунды.

– Давай, прыгай. Я тебя поймаю.

Мне ужасно страшно.

– Ты в этом уверен? Мне кажется, я слишком для этого тяжёлая.

– Не смешно, Каталина. Ты весишь не больше сорока.

Он почти угадал. Я вешу тридцать восемь килограммов, что для моего роста в пять футов и шесть дюймов⁴ весьма низкий показатель.

Слова Гая действуют почти как гипноз. Как приказ, который я тут же бегу исполнять.

Дрожащими руками поднимаюсь на подоконник и медленно сажусь на него, вцепившись за оконные рамы мёртвой хваткой. Вновь смотрю вниз и тут же жалею об этом. Голова закру-

⁴ 167 сантиметров.

жила, что мне потребовалось несколько секунд посидеть с закрытыми глазами, чтобы не потерять сознание и не свалиться вниз.

– Не смотри вниз. Смотри на меня. Прямо на меня, – произносит Гай.

Я размыкаю веки и делаю как он сказал. Смотрю в его зелёные глаза, напоминающие безмятежный лес, которому удаётся как-то меня успокоить. Продолжаю сидеть, глотая ртом воздух, ветер развивает мои тёмные волосы, бросая их из стороны в сторону.

– Прыгай. Я ловлю.

Я выдыхаю воздух, собираюсь с мыслями, пытаюсь стереть из своей головы все ужасающие картины моего возможного конца. Миллионы раз повторяю себе, что этого не случится.

Вновь смотрю на Гая. Успокаиваюсь.

Сползаю с подоконника, помогая себя отталкиваться руками, чувствую, как опора уходит из-под моей задницы.

Я прыгаю.

Возможно, я вскрикнула, но этого уже не знаю. Не слышу. Пара секунд моего падения проходят словно бесконечно долгое время. В ушах постоял шум от ветра, но почти сразу же он исчез.

Когда я падаю в мужские руки, которые тут же меня крепко подхватывают, автоматически глаза у меня жмурятся, и я ещё несколько секунд не могу их открыть.

– Ты уже внизу. Можешь открывать глаза, – тихо, почти в самое ухо шепчет Гай.

Я смотрю на его довольное лицо и еле сдерживаюсь, чтобы истерически не засмеяться из-за пролетевшей перед глазами жизни. Вижу, как я вцепилась в его рубашку стальной хваткой и тут же медленно разжимаю пальцы. Парень ставит меня на уступ, и мне наконец удаётся встать. Все мышцы тела словно превратились в камень, даже внутренние органы. Стук сердца отдаётся в ушах точно барабанной дробью.

– Я больше никогда не повторю этого снова! – наконец придя в себя, почти кричу я.

– Тебе ведь понравилось.

– Понравилось? Да я уже мысленно поздоровалась со всеми своими умершими родственниками!

– Не глупи. Выброс адреналина в кровь – это своего рода наркотик, от которого будет очень непросто отказаться.

– Хочешь сказать, что ты постоянно прыгаешь с крыш? И как часто ты этим занимаешься?

– Очень часто.

Замолкаю, не желая надоедать ему своими вопросами. Пытаюсь сполна насладиться тёплым ветром, гладящим мне кожу. Воздух здесь кажется чище, чем внизу. Облака кажутся ближе.

Мне никогда и в голову бы не пришло, что я буду получать удовольствие от нахождения на такой высоте.

– Нужно немного пройти, и мы дойдём туда, за чем я тебя сюда и притащил, – нарушает кратковременную тишину Гай. – Но мне придётся закрыть тебе глаза.

Я без слов позволяю ему это сделать.

Он медленно поворачивает меня спиной к себе и прикрывает глаза своими ладонями, а затем я чувствую, как он начинает идти куда-то в сторону, тяня меня при этом за собой. Мне легко удерживать равновесие, когда рядом находится такой проводник как он.

Мои ноги совсем скоро уже ступают на более ровную и твёрдую поверхность, и я понимаю, что мы теперь находимся на крыше.

– Вот и всё, Каталина.

Он убирает руки с моих глаз и даёт мне возможность взглянуть на то, что предстало передо мной.

Безупречное небо нежного голубого оттенка, постепенно переходящее в мягкий бежевый на горизонте, с пушистыми белоснежными облаками, похожими на сахарную вату, и золотистое солнце, обнимающее своими лучами крыши небоскрёбов и квартир. Сверкающий фонтан у кого-то во дворе, городская суeta, звуки машин, запах свежее испечённых булочек, чей-то балкон с яркими цветами в горшках.

Кажется, словно только сейчас я впервые увидела Сиэтл по-настоящему.

– Здесь так... Так красиво, – шепчу я, заморожено летая блестящими глазами по окрестностям.

Улыбка ложится на мои губы, а сердце улыбается вместе со мной.

– Я очень люблю это место, – говорит Гай, и я поворачиваюсь к нему. – И я привёл тебя сюда не просто так.

Его глаза нефритового цвета блестят, ловя отражение неба. Они кажутся ещё ярче из-за лучей солнца, приятно лежащих на наши фигуры. Я вижу в его глазах искренность. Искреннюю радость, искреннее удовольствие, искреннее восхищение.

– И зачем же ты меня сюда привёл? Разве не из-за этого вида?

– Может быть, такими безрассудными поступками я заполучу шанс, чтобы ты по итогу согласилась сходить со мной на свидание?

Меня его слова очень удивляют.

– По правде говоря, я не понимаю, зачем тебе это нужно, – честно признаюсь я, хотя это всё начинает говорить моя не самая высокая самооценка.

– Может быть, я считаю, что ты девушка моей мечты.

Коротко смеюсь, выдаю:

– Слабо в это верится.

– А ты просто поверь.

Мне кажется, я уже и забыла, что прямо сейчас внутри здания, на крыше которого мы любимся видами, идёт очередная лекция, на которой я непременно должна находиться.

– Так странно, – говорю я. – Обычно такие как ты любят тусовки. Любят шумные компании, развлечения, алкоголь до утра... И они обычно не трутся возле девчонок вроде меня, таща их на крышу, чтобы поглазеть на красоты города. Вся эта ерунда обычно не нравится таким как ты.

– Таким как я? А разве ты меня знаешь?

Я замолкаю.

Он смотрит мне в глаза, и прежде яркий светло-зелёный оттенок радужек словно медленно окрашивается в тёмный цвет. Я сглатываю на эту резкую смену от, казалось бы, таких обычных слов. Не могу разобрать, он зол сейчас, раздражён или сохраняет прежнее настроение.

Чёрт возьми, Гай, ты стал какой-то загадкой для меня всего за пару дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.